

ЛЕОНИД КАГАНОВ

ТАБЛЕТКИ

МОСКВА
2016

Леонид Каганов. Таблетки. Повесть

Макет и верстка: Маргарита Каганова

Иллюстрация обложки: Соня Крылова

Отпечатано в типографии «Вишнёвый пирог», Москва, 2016

Средства на работу над повестью были собраны при помощи краудфандинговой площадки Вадима Нестерова, где авторы могут собирать деньги на свои проекты:
<http://sbor-nik.ru>

В сборе средств (закрыт 28.06.2015) поучаствовали 58 человек, страница проекта «Таблетки»:

<https://www.sbor-nik.ru/kick.jsp?id=sbor5766596232478720>

Особая благодарность всем участникам проекта:

xanf, braintunic, Ivan, Maxim Mozgovoy, iofik, Slimper, Shtierlitz, skor, Vinny, iskorenitel, Konstantin Lisitsyn, Андрей Мальцев, ajavtik, Evgenia Gofman, Алекс, topin89, pollitergeist, Pavel Gubarev, Наталья Морошкина, Константин Шпунт, Олег Богомолов, Varvara Uchevatkina, Юрий Вишневский, Zir, chivorotkiv, Pavel Korchagin, Мимоходов Проходящий, Vladimir Taran, барисыч_он_лине, ash, Yuriy Smirnov, Константин Власов, Андрей Григорьев, Артём Казак, MadDad, Юрий Кощев, khomyaque, Константин Литвинов, psi314, Ivan Stetsenko, Olorin V Maya, Genni, Vitaly Pryakhin, яблоко, Vasily Nemo, alexkuklin, Finitumus, lord_raven, Шимун Врочек, Dim, ЕК, .nikr0mancer, Вадим Нестеров, kirushik, Sergey Zakharov, Dmitry Andrievsky, Alexei Chirknuov, Shurikello, Timofey Nikolaev, Vitaliy Hrechko, Михеич, Self-Perfection, Paul Bunkie, sergsmk, lolmaus, Подрумяненный Человек, ENep, fe31, Цкиаа, iowa, zexo, Alex Favorov, Kirill Zaslavski, Color, mike, Артем Иванкович, oksiel, Yulia Starushkina, Des, Пинкфлойдов, kagrebennikov, Алексей Степанов, Михаил Котовщиков, Zeborer, andreurz, Юлия Белецкая, fogone, Alex Kochetkov, German Bletel, Denis Novak

Если вы сейчас держите в руках бумажный экземпляр этой книги, то это подарочный экземпляр тиражом 10 штук, изданный для десяти участников.

Текст повести в электронном виде распространяется свободно на сайте автора:

<http://leo.me/archive/2016/tabletki.htm>

Проснулся Митя от звонка в дверь. Звонок был как сама хозяйка баба Тамара — старый, дребезжащий, резкий и требовательный. Митя откинул одеяло, схватил джинсы и принялся их натягивать, прыгая на одной ноге. Звонок все не умолкал. Наконец джинсы и майка были надеты, Митя торопливо оглядел кухню. Бардак, конечно, полный: в мойке громоздится посуда, на столе объедки, под столом валяется пустая жестянка от пива, а вся кухонная столешница от плиты до раковины застелена газетами и завалена электроникой: схемами, проводами, моторами и всем остальным, что баба Тамара строжайше запретила раскладывать по её кухонной столешнице. Но убрать это уже не было времени, поэтому Митя просто накинул покрывало поверх электронного мусора и бросился открывать дверь. И когда увидел на пороге не бабу Тамару, а всего лишь полицейского, даже вздохнул с облегчением.

— Младший следователь Тимур Петрович Чашечкин... — неразборчиво пробормотал полицейский и бегло махнул удостоверением. — Вы понимаете, почему я у вас?

— Нет, — ответил Митя.

— Жаль, — вздохнул Чашечкин. — Я надеялся, что вы сами мне всё расскажете.

— Что?! — удивился Митя.

Полицейский символически потерял ботинками об коврик у двери и сделал жест рукой, как бы приглашая самого себя пройти внутрь. Мите ничего не оставалось как посторониться. Чашечкин вошел, оглядел прихожую и потопал на кухню. Митя отметил про себя, что следователь Чашечкин довольно молод для следователя — на вид ему было как Мите. Оглядев кухню, полицейский достал блокнот и маленький карандашик «ИКЕА».

— Приступим, — сказал он. — Ваше имя? Возраст? Образование?
— Сверчков Дмитрий Германович. Двадцать пять лет. Не женат. Техникум космического приборостроения.

— Так вы космонавт, Дмитрий Германович?

— Увы. Специалист по электронике.

— Где работаете?

— Менеджер-консультант салонов мобильной связи.

— Это как?

— Продавец в ларьке.

Чашечкин задумчиво покусал карандаш.

— Что ж вы, Дмитрий Германович? Учились ради космоса, а работаете продавцом? Много платят?

Митя вздохнул и шмыгнул носом.

— Да если бы, много... Но мобильники — тоже электроника.

— Я вас понял. Прописаны здесь?

— Снимаю одну комнату.

— Вы не можете снимать одну комнату в однокомнатной квартире!

— Я снимаю кухню, — уточнил Митя. — А комната заперта, там вещи хозяйки. Слушайте, да что вообще случилось?! Почему вы врываетесь с раннего утра в мой единственный выходной?

Следователь полез во внутренний карман пиджака. Митя испугался, что он вытащит пистолет, но он вытащил фотографию и протянул ее Мите. Митя взял ее в руки и замер.

— Вам знаком этот человек, — произнес Чашечкин утвердительно.

— Знаком, — кивнул Митя, лихорадочно соображая, что же такого мог снова натворить Гриша. — Это мой одноклассник Гриша Дольский.

— Вчера вы его видели последний раз?

Митя бегло глянул на следователя и решил не врать.

— Да, приезжал ко мне. Откуда вы знаете?

— Выследил по камерам наблюдения, — объяснил следователь с некоторой гордостью: — Он входил в подъезд, но не зафиксирован камерой в лифте. Значит, был на первом этаже, а это ваша квартира. И как часто он у вас бывал?

— До этого мы не виделись лет восемь после окончания школы.

— О чем вы говорили?

— Он жаловался на неприятности...

— Какие?

— Ну, самые разные. С работой... с карьерой... с женщинами... с визой... с партнерами по бизнесу... У Гриши, чтоб вы знали, куча самых разных неприятностей!

— А я знаю, — кивнул Чашечкин. — В котором часу он вышел от вас?

— Сильно за полночь... Слушайте, почему бы вам не спросить у него самого?

— Потому что у него больше нельзя ничего спросить.

Митя все понял. Он сел на табуретку, хватая ртом воздух. Затем обхватил голову руками. Гришки больше нет. Гришки. Больше нет. Гришки...

— Куда он направился от вас? — продолжал следователь

— Вышел из подъезда, пошел через стройку... Там на него напали собаки... Он от них побежал и перелез забор... Кажется, они ему порвали штанину.

— Он сказал, куда собирается пойти?

— К своей машине.

— Он приехал на машине?

— Нет. Он сказал, что машина на парковке у строительного рынка, но в ней нет бензина.

— Вы знали, что ваш друг живет в машине?

Митя кивнул.

— Он мне сказал. Я дал ему денег на бензин...

— А почему вы не спрашиваете, что случилось с вашим другом? — Следователь Чашечкин с подозрением глянул на Митю.

— Да какая теперь разница... — с горечью ответил Митя. — А что случилось?

— Его раздавил столб.

— Он въехал в столб?!

— Нет, он спал в машине, — объяснил следователь. — Столб упал на машину.

Митя снова обхватил голову руками.

— Послушайте... — Он наконец пришел в себя. — Но при чем здесь я?! Какая связь между мной и столбом? Как вы вообще узнали, что он был у меня?!

— Не вам меня учить, как делать мою работу! — неожиданно тонким голосом закричал следователь.

— Да что у вас за работа такая?! — в ответ закричал Митя. — Выслеживать моего погибшего друга?! Носить с собой его фотографию?!

Вот из-за таких преследователей, как вы... — Митя осекся. — Простите меня, — сказал он тихо, — я очень расстроен, пока не могу осмыслить...

Следователь Чашечкин побарабанил пальцами по столешнице.

— Григорий говорил вам, что он в опасности?

— Нет, — соврал Митя. — Он говорил, что справится.

— Он рассказывал, что за ним охотится британская разведка?

— Корейская?

— Британская.

— Еще и британская?! Нет, нет и нет! Ничего ни про какую разведку он не рассказывал!

— Он вам показал свою систему?

— Систему? Какую систему?

— Ну, или приборы? Или формулы?

— Формулы?! — изумился Митя совершенно искренне.

— Ну он же был физик.

Митя помотал головой:

— Ни про какие формулы он мне не говорил! Он просто говорил, у него полоса невезения, но он выберется.

— Посмотрите мне в глаза, Дмитрий Германович, — попросил следователь Чашечкин. — Ваш друг не оставлял у вас никаких своих вещей или записей?

— Нет, — честно ответил Митя.

— Жаль, — вздохнул Чашечкин. Но в следующий миг подскочил к кухонной столешнице и торжествующе сорвал покрывало.

— Ага! — закричал он. — А это что?! Подпольная лаборатория!

Митя смерил его взглядом.

— Вы больной что ли? — спросил он. — Это паяльник, радиодетали и моделька моего вертолетика.

— Зачем? — спросил Чашечкин.

— Хобби.

— Григорий просил вас спаять для него прибор!

— Вы бредите! — фыркнул Митя — Какие приборы? Вы вообще не представляете, чем занимался Гриша! Он... — Митя осекся, но следователь ничего не заметил. Он внимательно рассматривал синий кубик с двумя торчащими проводками — черным и красным.

— Это взрывчатка?

— Батарейка для вертолета, — снисходительно объяснил Митя.

— Это Григорий вам ее оставил?

— Да нет же, господи! Это просто мои инструменты и детали! Мне Григорий ничего не оставлял, он все унес с собой!

Митя резко захлопнул рот и даже зажал его рукой.

Но ему снова повезло: следователь опять не обратил никакого внимания — он снова что-то писал. Закончив, вручил Мите листок:

— Вам повестка, Дмитрий Германович. Завтра мы встретимся в моем кабинете номер девять в тринадцать ноль-ноль.

— Зачем? — тупо сказал Митя.

— Потому что на человека упал столб. А вы последний, к кому он приезжал.

— Да мало ли на кого падает столб!

— На известного физика, — отчеканил следователь Чашечкин со значением, — на кандидата физико-математических наук с мировым именем и подозрительной деятельностью столб просто так не падает. — Он посмотрел Мите прямо в глаза и добавил: — Особенно если машина числится в угоне у посла Швеции.

— Боже, еще машина в угоне у посла Швеции, бедный Гришка... — с тоской пробормотал Митя. — Но я завтра днем не могу, я работаю!

— А я, по-вашему, бездельничаю!

Следователь повернулся и, не прощаясь, вышел из квартиры.

* * *

Чтобы прийти в себя, остаток дня Митя копался с дроном. Проклятая самоделка упорно не хотела слушаться команд с пульта — мигала огоньками, иногда издавала тонкий свист, но моторы не включались. Митя прозвонил всю схему, поменял батарейки в пульте, скачал из интернета две последние прошивки для дронов с этим процессором — одну свободную, китайскую, другую фирменную, но взломанную. И все было зря. Лишь глубокой ночью, когда Митя уже просто тоскливо стучал пультом по столешнице и глядел на электронные внутренности, адская конструкция вдруг взревела одним мотором, встала на дыбы, накручивая на себя провода и разбрасывая вокруг отвертки, а в следующий миг взбесившийся мотор сорвался с рамы, улетел в стенку и разбил висящую на гвоздике декоративную тарелочку хозяйки «Гагры-1996». Это уже было чересчур.

Митя в тоске упал на диван и закрыл глаза рукой. А когда открыл, в комнату уже пробивались солнечные лучи. Будильник пиликал уже тре-

тий повтор, а спать хотелось невыносимо. Митя наспех побрился и принял душ, схомячил кусок черного хлеба и запил водой — кипятить чай времени уже не оставалось. Надел кроссовки, торопливо сдернул с крючка ветровку, запер ключом квартиру... И вдруг из кармана что-то выпало и прокатилось по бетонному полу лестничной площадки. Митя машинально схватился за карман джинсов, думая, что выпал мобильник, но мобильник был на месте. И тут в груди кольнуло предчувствие. Он присел на корточки и сразу увидел эту идиотскую штуку. Тот самый цилиндрок — флакон из-под мыльных пузырей, который Гриша так просил взять на сохранение, а Митя не понимал, почему Гриша не может его просто выбросить от беды подальше. И в итоге Гриша вроде бы забрал эту штуку с собой, вроде сунул в свою куртку, когда прощались в дверях... Или не в свою?

Митя смотрел на флакон с ужасом, не решаясь притронуться. А потом на верхних этажах скрипнула дверь, и зашумел лифт. Митя быстро сунул вещичку в карман и выбежал из парадного, твердо решив бросить по дороге в мусорный контейнер.

Контейнер с мусором призывно маячил на углу прямо перед воротами стройки. В нем копался дядя Коля — добрый, но совершенно непутевый мужик, местный алкоголик. Митя подумал, что если Гриша говорил правду, то дяде Коле эта штука могла бы починить всю жизнь. Впрочем, если Гриша говорил правду, последствия для дяди Коли окажутся еще хуже. «Итак, — размышлял он, — сейчас я незаметно пройду мимо и выкину самый обычный флакон от самых обычных мыльных пузырей...» Митя замер. А если его найдут дети? Найдут, подумают, что мыльные пузыри... Митя с ужасом потряс головой. Да и как можно кинуть такой подозрительный флакон в мусор на глазах всего двора посреди белого дня? Из всех же окон смотрят! Выходит рано утром из дома вполне взрослый человек налегке, почему-то вынимает из кармана детский флакон от мыльных пузырей, зачем-то кидает его в мусорный контейнер и бежит дальше на работу, типа так и надо! А флакон летит, и брякается внутрь, и по удару понятно, что он был отнюдь не пустой. Тут-то все обо всем и догадаются! Да ведь еще и камеры наблюдения просматривает следователь Чашечкин! Митя поежился и пробежал мимо контейнера, так и не выкинув ничего.

На работе было как всегда: тоскливо и безлюдно. Хмурый напарник Костя снова оккупировал компьютер и шарился в интернете, а Митя слонялся вдоль стенда, потому что в стекляшке не было даже второго стула.

Посетители не заходили. Наконец напарник сообщил, что ходит в жраловку: жраловкой они называли второй этаж торгового центра на соседней улице — бесплатные туалеты и дешевая еда. Как только Костя ушел, Митя сел за прилавок к компьютеру, но обнаружил, что проклятый Костя опять сменил пароль. Он уже не раз так делал, объясняя, что он старший продавец, а Мите нечего копать в рабочем компьютере.

Накатила даже не злость, а меланхолия. Митя вдруг вспомнил лицо покойного Гриши и запоздало сообразил, что даже не узнал у следователя, где и когда будут похороны. Потом он вспомнил о повестке в полицию и посмотрел на часы — тринадцать ноль-ноль было полчаса назад. Митя почувствовал себя законченным неудачником.

И вдруг его словно окатило ледяной водой, это была шальная мысль. Митя в ужасе отогнал ее прочь, но мысль не уходила. Митя чувствовал, что у него просто нет сил бороться с этой идеей, словно все уже было решено за него. Но это была минутная слабость. Митя взял себя в руки и понял, что не будет этого делать. Только посмотрит.

Он вынул флакон от мыльных пузырей, отвинтил крышку, и содержимое высыпалось на стол: здоровенная горсть белых пуговиц, а среди них — маленькая флешка. Сперва Митя решил, что это какая-то шутка — это были самые настоящие пуговицы от самой обычной рубашки: маленькие, белые, пластиковые, с четырьмя дырочками. Митя брезгливо взял одну пуговицу и понюхал. Пуговица не пахла ничем, ее явно купили в магазине и никуда пока не пришивали. Митя рассмотрел ее внимательно. С обратной стороны пуговица выглядела плоской, с парадной — по кругу тянулся небольшой бортик. Четыре дырочки. Белый пластик цвета мутного парафина с едва заметным перламутровым оттенком. Обычная пуговица для самых обычных рубашек. Потом он вспомнил объяснения Гриши — тот рассказывал, что в качестве носителя для таблеток использует пластик. Даже после обработки, сути которой Митя совсем не понял, этот пластик оставался все тем же пластиком с точки зрения химии... но не с точки зрения физики. Так говорил Гриша. Но Митя не ожидал, что пластиком окажутся банальные пуговицы. Хотя, с другой стороны, а что же еще? Самый удобный и дешевый формат, если кому-то понадобится таблетка из пластика.

Пуговица невесомо лежала на ладони. Она выглядела так обыденно и так безопасно, что Митя вдруг мысленно произнес: «А что мне терять? Попробую. Всего половиночку!» Он вынул из ящика стола казенный сте-

плер и одним ударом расколол пуговицу надвое — разлом прошел четко по дырочкам и куски вышли одинаковые. Словно боясь передумать, Митя закинул в рот одну половинку и быстро проглотил. Послюнил палец, собрал со стола невидимые крошки и облизал. Хотя, возможно, никаких крошек и не было. Сама пуговица оказалась абсолютно безвкусной.

Митя огляделся. Ничего не изменилось — мир был прежним. Это казалось странным, ведь Гриша утверждал, что действие начнется мгновенно: пластик не усваивается организмом, а вот заряды физики вероятностей... Или квантовой физики вероятностей? Митя не помнил терминов, да и принципа, если честно, не понял — даже в общих чертах. А был ли там принцип? Митя вдруг понял, что просто поверил Грише на слово. А ведь вполне возможно, что бедняга просто сошел с ума от неприятностей, когда статью, которая судила Нобелевку, раскритиковали в пух и прах, а самого выгнали из Бостонского университета... А может, его и выгнали из университета потому, что стал неадекватен? Бегаёт от невидимых врагов, прячется от вымышленных иностранных разведок, носит в заветном флаконе от мыльных пузырей горсть пуговиц для рубашки и глотает их украдкой по одной... Ну бред же! Гриша был просто болен. Впрочем, слова вчерашнего следователя и роковой столб в эту версию никак не вписываются.

В задумчивости Митя пересчитал пуговицы — их оказалось семьдесят две. И еще половинка. Кто вообще сказал, что пуговицу можно расколоть, и она после этого будет действовать? Гриша про это ничего не говорил. Вдруг эти гришины «заряды вероятностей» исчезают при разломе пластика? Митя подавил желание слопать вторую половинку, ссыпал все обратно в футляр и туда же кинул флешку. Запоздало подумав, что неплохо было бы глянуть, что на этой флешке — Гриша говорил, что там какая-то матрица синтеза. Но ведь заблокирован компьютер... Митя набрал наобум первое попавшееся «braintunic»... и пароль подошел! Что это за слово, откуда он его только что придумал и почему угадал? Это было настолько удивительно, что даже не хотелось больше играть с компьютером.

Митя сделал глубокий вдох, спрятал флешку в футляр от мыльных пузырей, пружинисто шагнул к выходу из ларька, распахнул стеклянную дверь и остановился на пороге.

Улица звенела. Гудели автомашины в пробке, цвели тополя, толпой валили прохожие. От соседнего цветочного ларька неслась песня Майи Львович из сериала «Где нам всем» — Митя и полюбил этот дурацкий сериал именно из-за песни в заставке. По тротуару шагал большой пушистый енот в рост человека с коробкой лотерейных билетов — Митя знал, что в костюме енота разгуливает тетка Варя, очень немолодая для такой работы женщина, мать-одиночка, приехавшая в город из деревни.

— Добрый день, тетя Варя, — поздоровался Митя.

— Благодетельная лотерея! — Тетя Варя потрясла коробкой с билетами. — Не хочешь испытать счастье, Митя?

— А давай два... — кивнул Митя, порылся в кармане и протянул еноту мятую сотку.

Он выудил два первых попавшихся билета и стер ногтем защитный слой.

— Повезло! — присвистнула тетя Варя, откинув с лица енотовую голову и заглядывая Мите через плечо: — Тысяча рублей! А второй... И второй тоже тысяча! Ну, получи... — Она проворно отсчитала стопку пятидесятирублевков и вручила Мите.

— Я вас не сильно разорил? — спросил Митя.

— Да если б это мои были деньги... — вздохнула тетя Варя.

Митя засунул пачку в карман, приосанился и вдруг заметил, что за этой сценой наблюдал прохожий в хорошем деловом костюме. Митя воспользовался ситуацией и гостеприимно распахнул перед ним стеклянную дверь ларька:

— Захотите! Смартфоны, аксессуары, контракты! Что надо подберем! Лучшие цены в городе!

Прохожий словно того и ждал: он вошел в ларек и рассеянно уткнулся в витрину последних моделей — за их продажу работникам шел отдельный процент. Митя достал самый дорогой смартфон и вручил посетителю, привычно тархтя про память, процессоры, частоту и мегапиксели.

— И что по цене? — спросил покупатель.

Митя назвал цену.

— А сколько их у вас в наличии? — спросил тот, задумчиво взвешивая на ладони черную мыльницу.

— Безгранично! — соврал Митя. — Возьмете несколько — сделаем небывалую скидку!

— Я оптовик из региона, — сообщил покупатель. — И мне нужно десять тысяч.

Десять тысяч! Митя совершенно опешил от такой цифры. Но постарался не подать виду. Он тут же сделал звонок прямо в главный офис и удачно нарвался сразу на человека из дирекции. Изложил ситуацию. Дирекция не помнила, кто такой Митя, но выражала восторг, особенно когда выяснилось, что оптовик готов оставить предоплату. Мите были делегированы все полномочия, обещана премия и повышение. Какое именно повышение — Митя пока уточнять не стал.

Предоплата оказалась прямо в долларах — пятнадцать тысяч. Митя запер деньги в сейф и выдал расписку на фирменном бланке. Вернувшийся с обеда Костя застал только дружеское прощание с клиентом и по обмолвкам догадался, что здесь состоялась сделка века, но прошла без него.

Митя чувствовал небывалый подъём. Он заявил Косте, что уезжает по неотложным делам, и тот даже не нашелся, что возразить.

Оптовик оказался на машине и спросил, не подбросить ли Митю куда-то. Через десять минут поездки в шикарном «Лексусе» Митя оказался около дома, указанного в повестке.

* * *

Следователь Чашечкин сидел в кабинете номер девять и выглядел хмурым.

— Вы опоздали на сорок минут, Сверчков, — пробасил он с обидой.

— Однако я здесь! — приветливо воскликнул Митя и пояснил: — У меня были важные дела, но я выкроил время!

Следователь Чашечкин поморщился, кивком попросил Митю присесть на стул, а затем распахнул толстую папку и погрузился в чтение. Митя разглядывал кабинет, хотя ничего примечательного тут не было — казенные шкафы, банкетка в углу, полицейский китель с погонами майора, висящий почему-то на гвоздике у шкафа. Китель был короткий и широкий — точно не для Чашечкина.

— Вы что там разглядываете, Сверчков? — не выдержал следователь.

— Жду вас, — пожал плечами Митя. — Я же знаю, в фильмах следователи всегда полчаса делают вид, будто заняты.

— Хватит учить меня делать мою работу! — обиделся Чашечкин. — Вы сейчас у нас — свидетель убийства. Ясно? Молитесь, что не обвиняемый! Пока! Или хотите, чтобы я вам прямо сейчас изменил меру пресечения и отправил в камеру?

— Не хочу.

— Тогда отвечайте на мои вопросы!

— Так вы же не спрашиваете...

Следователь Чашечкин возмущенно полистал пухлую папку и устался на Митю суровыми прозрачными глазами, которые плохо сочетались с веснушчатым лицом.

— Григорий говорил вам, почему он сбежал в Россию?

— Сбежал? — удивился Митя. — Он говорил, что недоброжелатели обвинили его в фальсификации результатов эксперимента, а сотрудница лаборатории — в этом... я забыл это слово, как у них называется в Бостоне... в сексуальных домогательствах, если по-русски. Его уволили из университета и лишили рабочей визы. Не повезло человеку...

— Но вы знаете, чем он занимался в этом университете? — жадно спросил Чашечкин.

— Я не специалист в квантовой физике, — аккуратно ответил Митя. — Я даже не понял, химик он или физик.

— Но он вам показывал свои приборы? — продолжал Чашечкин.

— Дались вам эти приборы. Я не понимаю, о чем вы. Никаких приборов он мне не показывал. — Митя тщательно подбирал слова. — Если у него были какие-то приборы, я думаю, они остались в той лаборатории в Бостоне...

— В Бостоне? — возмутился Чашечкин. — А корейцы за ним охотились просто так, по-вашему?!

— Про корейцев он ничего не говорил, — соврал Митя.

— А почему его квартира сгорела, тоже не говорил? — продолжал Чашечкин.

— Что сгорела — упоминал. А почему — не говорил.

— И вы и не спрашивали?

— Нет, — честно ответил Митя. — У него было столько неудач, что расспрашивать про какой-то там мелкий пожар я не стал...

Следователь Чашечкин нервно побарабанил пальцами по столу:

— И вы утверждаете, что он вам ничего не говорил про свой аппарат, который ворует по воздуху золотые слитки...

Митя открыл рот от изумления.

— Ворует золотые слитки?

— Представьте себе! — кивнул следователь. — Прямо по воздуху из банковской ячейки. А еще — ворует автомашины из гаража шведского посольства.

— Послушайте, — возмутился Митя и встал, — как вам не стыдно! Мы с Гришей учились в одном классе! Гришка никогда не взял бы ничего чужого! Я никогда не поверю в это!

Следователь Чашечкин тоже вскочил:

— А как у него оказались золотые слитки из Госхрана?! — орал он, размахивая толстой папкой. — А почему за его прибором охотятся корейцы?! Вот у меня всё здесь! Я за ним следил два месяца не для того, чтобы он пропал, а ты мне сейчас дурачка строил, Сверчков! Где прибор, отвечай?

— Да нет никакого прибора! — заорал Митя в ответ. — Это ваши фантазии! Вы слышали краем уха какой-то бред, но не поняли ничего! Никакого прибора нет и не было! Это не прибор!

В кабинете наступила тишина.

— А что тогда было в его изобретении? — спросил следователь тихо. — Лучи? Телепатия?

Митя молчал.

— Откуда у него на счету миллионы? Откуда автомашины, акции? Откуда французский дворец в собственности, черт возьми?!

Митя пожал плечами.

— Первый раз слышу про это все. Повезло наверно.

— Повезло? — зловеще прошипел Чашечкин. — А квартира на проспекте Бородина сгорела отчего?

— Не повезло, — пожал плечами Митя. — Так бывает в жизни. Сперва тебе во всё везет, а потом во всё не везет...

Митя подумал, что болтает лишнее, и умолк.

— Ты что-то знаешь, Сверчков! — проорал следователь. — А ну-ка сядь обратно на стул!

Митя грустно сел. Он рассчитывал, что ему будет невероятно везти целый день, поэтому и поспешил к следователю, чтобы закончить это дело. Но, видно, половинка пуговицы уже закончила свое действие. И значит, пребывание в кабинете становилось опаснее с каждой минутой, если верить Грише...

Чашечкин тем временем яростно возился с большой железной лампой, стоявшей на столе. Он поднял ее и грохнул об стол. Придвинул и развернул прямо в лицо Мите. И попытался включить. Но сколько ни щелкал

старым тумблером, лампа гореть не хотела. Чашечкин полез под стол и долго шевелил провода. А потом плюнул, достал из кармана смартфон и зажег фонарик, направив его в лицо Мите.

Митя невольно расхохотался.

— Смеешься? — зашипел Чашечкин. — Ну, посмейся! Сейчас я выпишу постановление о задержании, и посмотрим, как ты посмеешься в камере!

— Электролампочку свою замените, подследственных пытаться, — посоветовал Митя. — От удара нить обрывается.

— Хватит учить меня работать! — рявкнул Чашечкин.

Но лампочку вывернул, посмотрел на свет и потряс. В колбе отчаянно звенело.

— Поменять надо лампу, — сказал Митя.

Следователь Чашечкин в бешенстве распахнул ящик стола, выудил чистый лист бумаги и авторучку, и положил перед Митей:

— У тебя, парень, последний шанс! — сообщил он. — Пока я схожу за лампочкой. Либо ты чистосердечно напишешь все, что знаешь, либо я звоню лично майору Сергею Павловичу!

— Не знаю, кто это.

— Твое счастье! — грозно ответил Чашечкин. — Не напишешь признание — оформляем задержание, и в камеру. Пиши и думай.

И он вышел из кабинета.

Убедившись, что остался один, Митя воровато развернул к себе папку «Дело Григория Дольского» и принялся листать. И сразу увяз в нагромождении фактов. Опросы свидетелей, какие-то перестрелки, бриллианты, выписки из банков, запрос в Интерпол, написанный почему-то от руки и по-русски, но с размашистой резолюцией внизу, буквально: «отставить херню!» Видимо, так и не отправленный в Интерпол... Митя опасливо закрыл папку.

Он придвинул к себе лист и решил написать, что ничего не знает. В конце концов, Гриши больше нет, и ему ничем не поможешь.

Но как только он коснулся листа авторучкой, шарик вдруг выскокил, и на лист вывалилась чернильная паста, испачкав Мите палец. Митя принялся оттирать чернила с пальца листом бумаги — провел пальцем зигзаг по бумаге вперед и вбок, затем сложил пополам и долго тер обратной стороной, затем сложил вчетверо и снова тер. Долго переворачивал лист в поисках чистого места, но только весь перемазался. В итоге он раз-

вернул лист и расправил — лист оказался мятый и перепачканный, а по его сгибам, оставшимся от складывания, темнела большая, неряшливая, но очень узнаваемая свастика... Митя похолодел. Как ему удалось так неудачно измазать лист? В гробовой тишине кабинета щелкнули настенные часы, переставляя стрелку на миллиметр. «Это как маятник, — говорил Гриша, — когда полоса везения заканчивается, наваливаются беды с той же амплитудой...»

Митя живо представил, как сейчас вернется психованный следователь Чашечкин, увидит лист со свастикой, впадет в бешенство, начнет звонить своему страшному майору, а дальше задержание, тюрьма... Он в ужасе скомкал лист и сунул в карман, наткнувшись там на флакон от мыльных пузырей. Ну конечно! Конечно же обыщут перед тем, как проводить в камеру, найдут пуговицы, и тогда всё, конец... Митя почувствовал, что стало нечем дышать, а в глазах начало темнеть. Он в панике развинтил флакон, нашарил оставшуюся половинку пуговицы и быстро закинул ее в рот.

Сразу появился воздух и мир вокруг опять стал солнечным. «А что я так паникую, собственно? Что они бы мне сделали? — запоздало подумал Митя. — Даже если найдут пуговицы. Даже если волшебные. Я-то у посла Швеции никаких машин не крал. Подумаешь, в лотерею выиграл и контракт выгодный оформил. Все законно».

Он едва успел спрятать флакон в карман, как дверь кабинета распахнулась и на пороге появился человек в штатском — маленький, толстый и совершенно лысый.

— Отставить херню! — рявкнул он с порога неожиданно низким и густым голосом. — Ты что делаешь в моем кабинете?!

— Меня пригласил для беседы следователь Чашечкин, — ответил Митя.

— Ча-а-ашечкин... — произнес человек тоном, не предвещающим ничего хорошего. — И где же этот наш Чашечкин?

— Ушел менять сгоревшую лампочку.

— Ла-а-ампочку... Зачем?

— Чтобы светить мне в лицо, как в старых фильмах про следователей.

Человек издал невнятный рык, подошел к столу и вдруг заметил открытый ящик.

— Ты открыл мой стол?! — заорал он.

— Нет, что вы! Чашечкин искал там лист бумаги, чтобы я написал признание.

Человечек побагровел.

— Не волнуйтесь, — на всякий случай добавил Митя, — он взял только один лист.

— И по какому делу он тебя сюда притащил? — прищурился толстяк.

Но Митя ответить не успел: взгляд толстяка упал на папку и он побагровел еще больше.

— Опять эта херня с Дольским?!

Он смачно выругался, а затем резко схватил папку, прижал к груди, лицо его исказилось, и он вдруг одним движением разорвал ее пополам, а каждую половинку еще пополам. Силища у толстяка была невероятная.

— Где этот гондон? — спросил он, вращая глазами. — Давно он ушел?

Как раз в этот момент в кабинет шагнул следователь Чашечкин. Он победно нес в руке новую лампочку — словно свечку. Но увидев толстяка, будто налетел на невидимую преграду: лампочка выпала из руки и разбилась вдребезги.

Воцарилась тишина, и на стене снова щелкнули часы.

— Что происходит в моем кабинете, Чашечкин? — заорал толстяк.

— Виноват, Сергей Павлович! — забормотал Чашечкин, вытянувшись по стойке смирно. — Я думал, вы в командировке... А другие кабинеты заняты... А мне надо было допросить...

— Это еще кто? — он брезгливо указал пальцем на Митю.

— Задержанный! — отрапортовал Чашечкин. — По делу Григория Дольского...

Толстяк в миг подскочил к Чашечкину, схватил его за грудь обеими ручками и приподнял над полом. Митя испугался, что он сейчас и его разорвет, как папку.

— Кретин! Ты что мне тут вытворяешь?! Я тебя предупреждал, чтобы ты прекратил заниматься херней и занялся делами?!

— Но Сергей Павлович, этой ночью... — пискнул Чашечкин.

— Ты кем себя возомнил, неудачник сраный?! Ты у нас Шерлок Холмс?! Доктор Ватсон ты у нас?! У тебя, гондон, есть свой участок, два жилых дома! У тебя там дел нету? У тебя там старуха написала заявление про спутник-шпион над ее окном! Ты закрыл это дело?! Чем ты занимаешься?!

Он с грохотом поставил Чашечкина обратно на пол. Тот лишь ойкнул.

— Пошел вон, Чашечкин, — произнес толстяк уже спокойней. — Если бы не уважение к твоему отцу, я бы тебя выгнал еще год назад.

И запомни: если я еще раз от тебя услышу про американские волшебные приборы и всю эту херню...

Майор явно не стеснялся в выражениях.

— Но дело Дольского... — снова открыл рот Чашечкин.

— Вон отсюда! — рявкнул толстяк. — Нет никакого дела и не было!

Я порвал его и выкинул!

Чашечкин проследил за его рукой и увидел обрывки папки в урне для бумаг. Он вздохнул и молча вышел из кабинета.

Толстяк сел за стол и принялся наводить порядок — хлопал ящиками, двигал лампу. А потом вдруг заметил Митю.

— Ты еще тут? — удивился он. — Ступай отсюда, уважаемый, и больше не приходи сюда никогда.

Митя кивнул и покинул кабинет. Везение было невероятным.

* * *

Он шел по бульвару и вдыхал весенний городской воздух — аромат сирени, карамели, свежей листвы и еще какого-то непонятого предчувствия счастья. Хотелось сделать сразу все дела, которые не удавались раньше. Митя пожалел, что так далеко от дома — сейчас он точно смог бы наладить дрон, чтоб тот летал как надо. А больше, как назло, никаких дел, обид и разочарований, которые можно было бы исправить, не вспоминалось. Настроение было прекрасным, хотелось всех любить и улыбаться прохожим. Даже ковыляющей навстречу старушке с маленьким злым лицом. Лицо ее было щедро расписано косметикой, а из-под оттененных век глядели ненавидящие глазки. Несмотря на возраст, одета старушка была дорого, модно, хотя довольно безвкусно. Но Митя улыбнулся ей, как старой знакомой, и на ее лице появилось недоверчивое и растерянное выражение, которое затем сменилось ответной улыбкой. Но в следующий момент выражение ее лица стало странным: в нем чувствовалась решимость, вызов и все-таки какая-то непонятная злость.

— А что, молодой человек, — спросила старушка фальшиво, останавливаясь перед Митей, — раз вы такой добрый, поможете dame, дадите сто рублей?

Митя про себя удивился, что этот эпизод волшебного везения выражается в расставании с деньгами — он предполагал, что будет, наоборот, получать их до конца дня самыми удивительными способами. Но сам

устыдился своих мыслей, полез в карман и протянул старушке сторублевку. Однако старушка ее не взяла.

— Ага! — торжествующе сказала она. — Это была проверка!

— Проверка? — растерянно переспросил Митя.

— Ты и впрямь добрый мальчик. Вот тебя-то мне и надо, — подытожила старушка. — Пойдем-ка за мной...

Паспорт с собой есть?

— Куда пойдем? — удивился Митя.

— Вон туда, — старушка уверенно указала пальцем на противоположную сторону бульвара, где висела табличка «Нотариус» и добавила: — И даже не вздумай сопротивляться, это решено!

— А что случилось? — спросил Митя, едва поспевая за ней.

Пока они переходили на другую сторону, пока ждали светофора, старушка успела рассказать всё. Рассказ оказался ярким, но нехитрым. Ее бывший муж — известный скрипач-виртуоз Пораженский умер пять лет назад в Париже, оставил ей неплохое состояние. Сын Валера — поздний ребенок, исчадие ада, тиран и бандит. Половину денег промотал, теперь мечтает о ее смерти, чтобы прибрать к рукам остальное. И лучше уж отдать кому попало... как тебя зовут?

— Митя, — представился Митя.

— Я же вижу, человек ты честный и добрый. Квартиру, дачу и счета получишь после моей смерти, а машину я тебе прямо сейчас отдам, она хорошая, тебе понравится.

— Подождите... — запротестовал Митя ошеломленно, но старушка была непоколебима.

— Никаких но! Ты хочешь, чтобы он меня убил за наследство? Он мне уже угрожал! Теперь ему ничего не достанется, и в его интересах, чтобы я прожила подольше и подкидывала ему деньги. Ты думаешь, мне самой хочется первому встречному написать завещание? Но у меня выхода нет! Никого больше не осталось. А ты человек добрый, я так решила, и точка!

С этими словами она распахнула дверь под табличкой «Нотариус» и толкнула Митю внутрь.

Им повезло — очереди не было, дополнительных вопросов тоже не возникло, и через двадцать минут все нотариальные формальности были улажены.

Без промедлений старушка потащила Митю во дворы, где за забором со слагбаумом высилась пара элитных новостроек. Деловито про-

вела через охрану в подземную парковку, погремела ключами, понажимала кнопки на пульте, и рулонная дверь гаражной секции уползла вверх. Вспыхнул холодный неоновый свет, и Митя увидел машину. Она и впрямь была хорошей...

Права у Мити были — он когда-то закончил автокурсы. А вот машины никогда не было. Кое-как с пятой попытки сдал экзамены в ГАИ, Митя за руль так ни разу не сел. А теперь перед ним стояла машина. Даже нет, с большой буквы: Машина.

Он не знал, как называется эта модель. Судя по хищно вытянутому носу, круглым фарам, хромированным рукояткам и кожаной крыше, она была бешено, музейно стара. Но в превосходном состоянии — даже паутина спиц внутри колес серебрилась и блестела. Митя никогда раньше не видел автомобилей со спицами в колесе.

— Нравится? — хищно спросила старуха. К тому времени Митя уже знал, что зовут ее Ангелина Фроловна. Она аристократически опустила ключи на блестящий темно-зеленый капот: — Катайся, Митя, на здоровье! А остальное получишь после моей смерти.

— Дай вам бог долгих лет! — растроганно ответил Митя. — Чем я могу вас отблагодарить?

— Лишь бы сыну не досталось, — зловеще ответила старуха Ангелина: — Удачи тебе!

* * *

Учился водить Митя на старых «Жигулях», поэтому ощущения оказались двойственные. С одной стороны, мотор здесь гремел и фыркал гораздо громче, а руль было крутить тяжело и непривычно. То ли руль был шире, то ли жестче. Митя даже не сразу сообразил, что руль в этом старинном автомобиле справа. Но несмотря на это, машина ехала плавнее, чем «Жигули» на автокурсах. Немножко поскрипывала, покачивалась, но сидеть в её салоне, отделанном кожей и хромом, было очень комфортно.

Немного тревожило, что водительские права Мити остались где-то дома в коробке со старыми документами — кто ж мог предположить заранее? И смущало отсутствие навыков вождения — за несколько лет подзабылось всё, чему учили на курсах. Однако сегодня Мите везло как никогда. Он сходу догадался, как завести машину и с первой попытки разобрался в управлении. Выехать на улицу удалось, не задев ни охран-

ника подземного гаража, ни шлагбаум, ни бетонные направляющие. Он даже не заглох ни разу.

Минут двадцать Митя рулил по улицам — стоял в пробках, ждал светофоров, жал на педали и наслаждался густым теплым рокотом своей первой, но такой удачной машины. Вскоре он сообразил, что все это время ничего интересного с ним не происходит — разве что прохожие удивленно рассматривали диковинный музейный автомобиль. Митя с опаской подумал, что действие пуговиц рано или поздно начнет кончаться, и это может случиться, когда он за рулем. Митя хорошо представлял, скольким людям планеты за последнюю сотню лет автомобили помогли найти внезапные и неожиданные неприятности на свою голову. Но чтобы автомобиль кому-то помог найти внезапную удачу — нет, таких историй Митя не слышал. Как найдешь удачу, сидя в кабине автомобиля?

Митя решил для начала включить радио — вдруг удастся стать участником какой-нибудь викторины? Но радио найти на приборной панели ему не удалось. Да и было ли оно здесь? Тогда он вспомнил, что крыша его машины должна откидываться гармошкой. Как минимум, должно быть интересно прокатиться ранней весной с открытым верхом!

Митя притормозил на обочине, заглушил мотор и принялся вертеться на сидении, пытаясь сообразить, как кожаный потолок откидывается. Он нашел пару защелок над лобовым стеклом и принялся отодвигать гармошку. Ему удалось сделать лишь небольшую щель — воздух тут же наполнился свежим ветром и шумом. Но дальше крыша не двигалась. Тут позади машины раздался визг тормозов и сирена. Митя обернулся — это была карета скорой помощи.

— Ты что проход загородил, болван?! — заорал водитель «скорой», высунувшись из окошка. — У нас пациент умрет!

Тут только Митя сообразил, что перегородил своим автомобилем въезд в ворота больницы. Он завел машину и отъехал в сторону. Снова выключил и вышел наружу. «Не тот день, чтобы при мне люди умирали!» — решительно подумал Митя и шагнул к «скорой», которая медленно вползала в ворота. Он постучал ладонью по борту.

— Помочь чем-то могу? — крикнул Митя водителю.

— Нет! — грубо ответил водитель. Но внутри «скорой» что-то неразборчивое закричал женский голос, и водитель высунулся снова: — Группа крови у тебя какая?

— Первая...

— Первая, говорит! — передал водитель кому-то внутри, а затем высунулся снова: — Зайди кровь сдай грамм четыреста — вот будет помощь. Чем машинами проезд загораживать...

Митя охотно кивнул.

Медсестра распахнула заднюю дверь, словно боясь, что он передумает, Митя влез внутрь, а «Скорая» тронулась и покатила по дорожкам больничной территории. На носилках лежала пожилая женщина в старомодном домашнем халате с розочками — она была жива, потому что иногда тихо охала.

— Автомобиль свой так и оставил открытым? — с изумлением спросил шофер, обернувшись.

— И пусть, — отмахнулся Митя, — что с ним будет? Тут человек умирает.

— Рисковый ты человек, — с уважением ответил шофер. — Да и правда, кто же посмеет тронуть такую машину...

В больничном корпусе пациентку сразу увезли вглубь на каталке, а Митю проводили в пункт сдачи крови. Через четверть часа он вышел на улицу с маленькой марлевой повязкой на локте и ощущением еще большей эйфории, чем была час назад — медсестра объяснила, что так бывает у доноров. Напоследок ему еще принесли чаю — невкусного, но до отращения сладкого. Так, сказали, положено.

Первое, что увидел Митя, выйдя на улицу — пациентку из «скорой». Она была жива, сидела в том же самом своем халате с розочками на лавке справа у входа в корпус и бойко обсуждала с другой дамой диагнозы. Сперва Митя испугавшись, что она сейчас начнет его благодарить и тоже предлагать наследство — он даже прикрыл лицо ладонью, будто причесываясь, ускорил шаг и сделал вид, будто очень заинтересован трансформаторной будкой в противоположной стороне.

— А кровь-то чего? — донесся голос собеседницы.

— Кровь взяли, — степенно отвечала ей недавняя умирающая в халате с розочками, — из пальца взяли. Сказали, может аппендицит. А может, не аппендицит. До среды, сказали, меня тута оставят...

Тут настал черед изумиться такому волшебному исцелению — женщина, которую он со слов шофера считал умирающей, оказалась жива, бодрa, и без опасного диагноза. Но было понятно, что митину кровь никак не успели бы перелить этой даме, тем более, зачем она ей, с подозрением на аппендицит... То есть, формально чудо было, не придерешься.

Но чувствовался подвох, словно Митю ловко развели. Может, и впрямь действие пуговицы начало заканчиваться, и больше чудес не будет? Митя устыдился своих мыслей и помотал головой: пациентка жива, и прекрасно. Чего придирается-то? Митя рассудил, что возможность спасти чью-то жизнь — это, пожалуй, самое большое везение за сегодня. В приподнятом настроении он вернулся к машине.

Зеленый автомобиль с откинутым верхом ждал Митю, хотя возле него собралась небольшая толпа зевак — они почтительно рассматривали диковинку, а какой-то мальчик лет десяти даже пытался провести пальцем по зеленой блестящей поверхности капота, но отец его одергивал словами: «Не трожь, сказал! Щас выйдет дядя хозяин — застрелит тебя на фиг!»

Митя протиснулся между ними, сел за руль и завел машину.

— Дядя! — крикнул мальчик вдогонку. — А какого года ваша машина?

— Замолчи, сказал! — испуганно одернул его отец.

— Не знаю, мальчик, — улыбнулся ребенку Митя и уехал.

* * *

Еще полчаса Митя колесил по городу. Но ничего интересного снова не происходило — он лишь замерз от холодного весеннего ветра, пробивавшегося через приоткрытую щель в крыше. Вокруг тем временем стемнело. Митя не знал, сколько еще будет действовать пуговица, да и действует ли она вообще. Он решил выйти из машины и отправиться куда-нибудь пешком, благо вокруг был центр старого города. Он свернул в первую попавшуюся улочку, сразу оставил машину на обочине, и дальше пошел пешком.

Куда идти? Герой кино непременно отправился бы в казино и выиграл там миллион. Или в какую-нибудь лабораторию, чтобы сделать великое открытие. Или спас бы человечество, обезвредив террориста с атомной бомбой — с большим таким пузатым чемоданом с тикающими цифрами, как любят изображать киношники. Митя огляделся — ни казино, ни лаборатории, ни террориста с тикающим чемоданом в переулке не наблюдалось. Даже если пуговица была готова подарить Мите еще какое-то чудо, то этому чуду было негде произойти.

Митя прошел немного вперед по переулку, но путь оказался тупиковым: вдали маячили мусорные баки, по бокам высились глухие кирпичные

стены с заложенными кирпичом окнами и неряшливыми нагромождениями вентиляционных труб. Что-то гудело, а по мостовой валялся мусор — то ли не донесенный до баков, то ли растащенный оттуда кошками: целлофановые пакеты, банановая кожура и фантики, мокнущие в луже. Тут явно были самые задние дворы жизни. Сама жизнь царила где-то на параллельных улицах. Припарковать машину в безлюдном переулке было неудачной идеей. Митя развернулся, чтобы пойти обратно, случайно наступил на банановую кожуру, пошатнулся, но чудом остался на ногах, пытаясь сообразить, чего в этом эпизоде больше — везения или невезения.

Вдруг послышался лязг, и прямо перед ним распахнулась железная дверь в стене. Оттуда вылетел сначала сноп разноцветного света, затем — уханье громкой музыки, затем — горький и спрессованный запах сигарет. А затем — девушка в белоснежном платье невесты, но с длинным синим шарфом. Прямо как у Майи Львович во втором сезоне «Где нам всем» — в той серии, где ее заставили выйти замуж за комиссара.

Панически цокая каблуками, девушка выпорхнула на улицу, оглянулась и отчаянно крикнула: «Спасите кто-нибудь!» И Митя увидел ее лицо.

Это было невероятно — перед ним стояла Майя Львович. Самая настоящая актриса и певица Майя Львович — в этом не могло быть никаких сомнений. Было совершенно непонятно, как она попала к нам в страну, как оказалась на этой странной улице, что ее привело в подозрительный кабак, с черного хода которого она выпорхнула, а главное — откуда она так хорошо знает русский язык?

Но времени на размышления не оставалось. Следом за Майей из двери выскочили три крайне подозрительных типа. Один был толстый, с наглой багровой мордой, другой — маленький дрыщ, тощий и чернявый, в пестрой гавайской рубашке, а третий — накачанный верзила. Общим у них было одно — все трое оказались охвачены той нездоровой яростью, в которую иногда переходит нездоровая пьянка.

— А ну, стоять-б-ск! — невнятно проревел толстяк и ринулся вперед.

Майя Львович забежала за спину Мите и прошептала «спасите!»

Мите ничего не оставалось, как расправить плечи и шагнуть вперед. Рассчитывать он мог только на везение — троица обступила его со всех сторон.

Драться Мите не приходилось с незапамятных времен, поэтому он глубоко вздохнул, крепко закрыл от страха глаза, издал горестный вопль и бросился вперед, размахивая наугад руками — то ли плыл брассом, то ли взбивал подушку. Остановился он лишь когда почувствовал, что кулак больно наткнулся на что-то твердое. Митя открыл глаза и посмотрел на свои руки — костяшки пальцев на левой руке страшно болели и были все в крови. Но это была не его кровь: верзила с багровым лицом покачивался, обеими руками держась за нос. Затем верзила сел на асфальт и вдруг горестно зарыдал прямо в голос. Из-под его ладоней из разбитого носа капала кровь.

Второй спутник, толстяк, увидев, что произошло с верзилой, сразу запаниковал и отбежал на безопасное расстояние. Никакой агрессии в нем больше не было — жалкий и испуганный толстяк.

Митя удивился, как ловко ему удалось решить все проблемы одним случайным ударом. Он вынул носовой платок и принялся вытирать испачканную руку, которая уже совсем не болела.

Но проблемы остались: маленький чернявый дрыщ убежать не спешил. Он медленно и профессионально снял с руки часы и спрятал в карман, с хрустом повел плечами, выставил вперед локти и встал в стойку с такой легкой пружинистостью, словно выполнял обычную ежедневную гимнастику. Его двое товарищей притихли и следили за ним, словно он был главный. А сам он не мигая смотрел на Митю, и лицо его было совершенно спокойным и даже каким-то злорадным. Затем задохлик двинулся вокруг Мити и вдруг сделал два молниеносных выпада рукой — просто так, примериваясь. Самих выпадов Митя не увидел, слишком они были быстрые — только услышал, как хлопает яркая гавайская рубашка. Задохлик вновь повел плечами, вдруг отклонился и взмахнул ногой, словно показывал для разминки еще один демо-ролик того, что сейчас произойдет. По крайней мере, хоть ногу Митя заметить успел — она взлетела выше головы и тут же вернулась обратно, лишь хлопнула в воздухе штанина. Митя инстинктивно отступил назад, а Майя взвизгнула за его спиной. Задохлик словно ждал этого сигнала — он бросился в атаку. Одним прыжком он оказался перед Митей в странной боевой стойке локтями вперед — Митя увидел лишь его глаза сквозь амбразуру локтей. А в следующий миг боец резко скрутился как пружина, и на миг повернувшись к Мите спиной и затылком, выкинул с разворота ногу, и Митя понял, что в следующую секунду боец разогнется, и эта нога снесет Мите голову. Но разогнуться бойцу не удалось — пока одна его нога летела по воздуху, другую вдруг резко

повело, словно он был на коньках, и в следующий миг он со всей силы врубился лицом в асфальт. Мите даже показалось, что асфальт под ногами дрогнул. Боец так и остался лежать постанывая, а то место, где он секунду назад стоял, пытаясь выполнить прием, было красиво отрисовано раздавленной по кругу банановой кожурой.

Это была волшебная победа! Пуговица действовала! Надо было сказать что-то пафосное в стиле Джеймса Бонда сперва противникам, а потом даме, но Митя не любил театральные номера, поэтому обернулся к Майе Львович и просто предложил: «Бежим отсюда скорее!» Ее глаза сияли неподдельным восхищением.

Они добежали до машины, и Митя галантно распахнул дверцу.

— Это... ваш автомобиль?! — только и выговорила Майя Львович.

— Можно на ты, меня зовут Митя, — галантно представился Митя.

— Спасибо, вам... тебе, Митя. А меня зовут...

— А я вас очень хорошо знаю, — ответил Митя, заводя мотор. — Вы же Майя Львович!

Она секунду решала, признаться или нет, а затем кивнула и снова посмотрела на Митю благодарным взглядом.

— Давно вы у нас в стране? — Митя неспешно вырулил на проспект, наслаждаясь ситуацией.

Майя поморщилась:

— Пригласили провести одно мероприятие, — неохотно пояснила она. — Частный юбилей в клубе. Сначала все шло как обычно — посидеть за столом, спеть песню, произнести поздравления... А потом сын хозяина со своими дружками решили, что им все можно. И если б не вы... не ты, Митя, я не знаю, чем бы все кончилось.

— Может в полицию заявим? — предложил Митя.

Майя помотала головой.

Митя неспешно вел машину. Хотелось сказать что-то удачное, но ничего удачного в голову не приходило. Что делать дальше, куда ехать, о чем говорить — пока тоже оставалось неясным.

— Майя, куда вы хотели бы, чтобы я вас отвез? — аккуратно спросил Митя, забыв, что они уже на ты.

— Куда угодно! — ответила Майя и посмотрела на Митю таким благодарным и таким откровенным взглядом, что он смутился.

Как и где можно провести вечер с мировой знаменитостью в этом вечеряющем городе — он даже не представлял. Пригласить в театр или кино? Зачем это великой актрисе, которая знает всю киноиндустрию с из-

нанки. Это же как пригласить Митю на прогулку в магазин смартфонов. Может, предложить сходить в ночной клуб? Впрочем, она только что из клуба и, похоже, не горит желанием снова оказаться в подобном месте. Конечно, надо бы пригласить ее поужинать. Как обычно говорят? «Вы не откажете мне в одолжении поужинать вместе? Я знаю неподалеку один уютный итальянский ресторанчик!» Беда в том, что уютных ресторанчиков Митя не знал, потому что никогда ими не интересовался. Он бывал разок лишь в районном спортбаре с боулингом на втором этаже и сомнительными типами в трениках, но это место было решительно недостойно Майи Львович...

— Может быть, поужинаем вместе? — вдруг пришла на помощь Майя, словно прочитав его мысли. — Я знаю тут неподалеку одно уютное местечко...

Тут Митя вспомнил, что денег на ужин в ресторане у него нет.

— Честно говоря, всегда мечтал с вами поужинать! — Митя улыбнулся, пытаясь включить максимум обаяния. — Может быть, завтра? Дело в том, что мне сегодня нужно еще поработать...

— Вы сейчас поедете на работу? — удивилась Майя.

— Вообще-то я работаю дома...

— Простите, я могла бы и сама догадаться, что такие люди на работу не ездят, — улыбнулась Майя. — А чем вы занимаетесь, если не секрет?

— Ну, моя работа связана с техникой... — замялся Митя. — Электроника...

— Обожаю технику! — заверила Майя. — У вас торговый бизнес? Какие-нибудь магазины смартфонов?

— При чем тут ларьки со смартфонами? — испугался Митя. — Я... я занимаюсь скорее разработкой, производством... — Он наконец нашел нужное слово: — Стартап! У меня стартап, связанный с вертолетами. Знаете, небольшие такие дроны, квадрикоптеры...

— Обожаю квадрикоптеры! — воскликнула Майя. — У вас наверно весь дом ими завален?

Митя кивнул.

— Как бы я хотела посмотреть на ваш дом! — с чувством произнесла она. — Честно сказать, я живу далеко за городом... в коттедже... это так далеко, что... если бы вы пригласили меня в гости, сами поработали, а я бы не стала вам мешать, а просто порассматривала вашу коллекцию вертолетов...

— Нет-нет! — торопливо перебил Митя.

Он представил великую голливудскую актрису посреди своей несчастной кухни: как Майя оглядывает горы мусора, старается ничем не выдать разочарования, и лишь брезгливо подергивается ее изящная верхняя губа — точь в точь как в той серии про суп из трепангов...

— Боюсь, не получится, — вздохнул Митя.

— Я должна была догадаться... — грустно кивнула Майя. — Это было бестактно с моей стороны. Вы же наверняка женаты?

— Нет-нет, даже не в отношениях! Просто сегодня я вас никак не могу пригласить. Может, поужинаем завтра? Ведь сегодня вы так переволновались. Я вас отвезу домой! Где, говорите, ваш коттеджный поселок?

Майя растерялась.

— Нет, нет, это очень далеко за городом — час езды... А вам надо работать!

— Нет-нет! Решено! — уверил Митя. — Не каждый день выпадает возможность проводить до дома великую актрису!

— Но там у меня не слишком хорошие трассы для такой раритетной машины! — забеспокоилась Майя. — У вас же Ягуар Е-Тайп, шестьдесят девятого года, если не ошибаюсь?

— Майя, откуда вы так хорошо разбираетесь в машинах? — воскликнул Митя и мысленно несколько раз повторил название, чтобы покрепче запомнить.

— Нет-нет, я вовсе в машинах не разбираюсь! Просто мой отец... Впрочем, не важно...

— Так где, говорите, ваш коттедж?

— Это поселок Соболевское и чуть дальше... — сдалась Майя.

— Прекрасно знаю те живописные края! — на всякий случай соврал Митя, включая навигатор в смартфоне и пытаясь его установить на приборной доске так, чтоб не падал. — С большим удовольствием отвезу вас в Соболевское!

— Спасибо, вы так добры, — улыбнулась Майя.

Они выехали из города за объездную, вокруг сразу стало темно и лишь сверкали придорожные ларьки. Машина стала ощутимо подпрыгивать на выбоинах в асфальте. Митя пытался вести с Майей светскую беседу, но она отвечала невпопад и казалась чем-то разочарованной. Вот только Митя никак не мог понять, чем. Наконец он решил снова включить обаяние и спросить прямо.

— Я разочарована? — удивленно переспросила Майя. — Что вы! Поверьте, у меня наверно никогда не было настолько яркого вечера, как сегодня!

— Почему? — удивился Митя. — При вашей-то блистательной карьере?

— Ну сами подумайте! Этот мерзкий ночной клуб, страх, ощущение обиды, опасности и незащитности, и вдруг появляется вы!словно посланник с неба! С вашей силой, обаянием, эрудицией, манерами, приемами боевых искусств... Этот ваш удивительный автомобиль... Это ваше конструкторское бюро вертолетов... Сказать, что я очарована — ничего не сказать!

— Спасибо... — кивнул Митя. — Очень приятно слышать, даже как-то незаслуженно.

— И вы так добры! — продолжала Майя. — Вы ради меня делаете такой дальний крюк! А я даже не могу пригласить вас на чашку чая...

— Почему?! — огорчился Митя, у которого к тому времени в голове уже успело пронестись штук шесть увлекательных трейлеров этого романтического вечера, включая два эротических.

— Мой дом, к сожалению, сегодня совсем не готов для приема таких дорогих гостей... — вздохнула Майя.

Митя приуныл.

— Понимаю, — сказал он, — вы в отношениях...

— Нет-нет! — возразила Майя, — Просто у меня сегодня настолько не прибрано...

— Беспорядком меня не удивить! — воскликнул Митя. — Я сам фактически живу в мастерской!

Майя печально покачала головой:

— Ну вы сравнили: беспорядок в рабочих мастерских бизнесмена и беспорядок в загородном доме, где не подготовились к приему гостей!

— Клянусь вам! — Митя сделал последнюю попытку. — Нет такого беспорядка, которым можно меня удивить!

— Нет, Митя, — мягко, но категорично ответила она. — Неужели вы не понимаете, какое значение мы, женщины, придаем внешнему виду? Костюмы, косметика, интерьеры... Если женщина, скажем, вдруг оказалась не накрашена — она предпочтет отложить свидание под надуманным поводом, лишь бы предстать во всей красоте перед тем, чьим знакомством дорожит. Хотя, возможно, мужчина на это не обратил бы никакого внимания. Но так уж мы, женщины, устроены. Вы понимаете меня?

Митя грустно кивнул.

— Беда лишь в том, — честно ответил он, — что это сегодня у меня был удачный день. А завтра будет обычный, я не планировал отныне повторять удачу... — Он испугался, что болтает лишнее и покосился на Майю: — В общем, если не вникать в подробности, а использовать вашу аналогию, то это я сегодня мужчина в косметике, какой с завтрашнего дня больше не будет... Черт, вы, Майя, великая актриса — вы меня прямо заразили высокопарной речью. Откуда вы все-таки так хорошо знаете русский?

— Желаю, чтобы у вас каждый день был удачным! — улыбнулась Майя и вдруг чмокнула Митю в щеку. — Мы приехали, высадите меня у этой остановки.

Митя притормозил и с недоумением оглядел темный покосившийся столб с табличкой «Соболевское» и прибитый жестяной листок с расписанием маршрутки номер 1666.

— Вы здесь живете? — спросил он, недоуменно оглядывая местность.

— Коттеджный поселок чуть дальше, но я дойду сама, — уверила Майя. — Спасибо вам!

— Как вам угодно, — грустно кивнул Митя. — Я вам тогда напишу, у вас на официальном сайте есть какие-то контакты?

Майя достала листочек, быстро написала номер и протянула Мите. Митя приготовился его набрать, но Майя мягко остановила его.

— Я просто хочу, чтобы у вас высветился мой номер, — пояснил Митя.

— Только не сейчас! — попросила Майя. — Сейчас я не хочу доставать свой телефон. Завтра я с удовольствием с вами поужинаю! — сказала она с чувством, снова чмокнула его в щеку. — Я пойду?

Митя выключил мотор, наступила тишина, погасли фары и дорога казалась необитаемой — ни машин, ни людей, лишь поля справа и слева и одинокая остановка. А в небе над лобовым стеклом горят звезды.

— Красиво как, — сказала Майя, разглядывая их.

Митя думал, что наверно так и выглядит наступающая полоса неведения. «Если бы пуговица еще действовала, все было бы иначе, — подумал он. — А если пуговица еще действует? Как проверить?»

И он вдруг сделал то, чего никогда бы себе не позволил — протянул руку, мягко обнял Майю Львович за плечо, притянул к себе и поцеловал. Майя от удивления дернулась, но не очень уверенно. А потом ответила

на его поцелуй. Не веря своему счастью, Митя провел рукой по ее белому платью, нащупал коленку и уверенно полез выше.

— Нет! — вдруг сказала Майя и отодвинулась.

— Да, — сказал Митя и снова потянулся к ней, изумляясь собственной наглости.

Он был уверен, что Майя сейчас даст ему по щеке и выскочит из машины. Но Майя еще раз сказала «нет» — уже шепотом. А потом с ними произошло то чудо, которое Митя и помыслить не мог. А потом они еще долго лежали, обнявшись, на откинутах назад сиденье машины и смотрели на звезды.

Наконец Майя со вздохом сказала, что теперь ей точно пора. Она надела чулки и платье, надела свои туфельки на каблуках, ласково чмокнула Митю последний раз и выпорхнула из машины.

Митя грустно смотрел, как волшебное создание уходит на каблуках по грунтовке в темноту и думал, что вот так и выйдет наступающая полоса невезения.

Потом он забеспокоился, посмотрел на часы и решил, что самое время вернуться в город.

* * *

Сперва все шло хорошо, если не считать отчаянно дребезжавшего кузова, в днище которого стучали камни грунтолки. Настроение было прекрасное, ночь и небо были наполнены невыразимым чувством любви. От избытка нежности Митя слегка поглаживал замшевый руль автомобиля, представляя, что гладит ладони Майи, и сердце его сжималось от невероятного счастья. Казалось, пуговица продолжает действовать, и будет работать теперь вечно.

Затем у смартфона сел аккумулятор, а в машине ничего похожего на зарядку не нашлось. Митя остался без навигатора. На очередной развилке Митя не увидел указателей, а спросить было некого — вокруг тянулись поля, поросшие бурым прошлогодним сухостоем. Митя понял, что невезения начались.

Сперва он решил применить тактическую хитрость: он бросил монетку, загадав налево или направо, а когда монетка указала путь, поехал в строго противоположную сторону. Как ни странно, это сработало: вскоре мелькнул указатель, показывающий, что дорога в город угадана. Митя

обрадовался, что нашел способ обмануть неприятности, и решил пользоваться трюком с монеткой отныне всегда. Но тут мотор обиженно чихнул, замер и снова заработал. Митя глянул на приборную панель и понял, что топливо на нуле. И никакой монеткой такие неприятности не обмануть.

«Только бы дотянуть до заправки! — взмолился он. — Пусть любые другие невезения, только бы не стоять с этой адской машиной в холодной ночи посреди полей!»

Мотор снова чихнул, затрясся и закашлялся, но машина еще ехала. Так продолжалось несколько километров — Митя старался не газовать, надеясь, что это поможет сэкономить капли топлива. Наконец машина вкатилась на горку, и тут мотор фыркнул в последний раз и заглох. Автомобиль по инерции бесшумно покатился под уклон, и тут к счастью впереди показалась заправка! Инерции хватило до самого поворота на заправку, а оставшиеся двадцать метров Митя толкал машину руками. Автомобиль оказался неожиданно тяжелым, приходилось налегать на него всем телом и долго раскачивать туда-сюда, прежде чем он начинал двигаться на следующие полметра.

Митя докатил машину до заправочного автомата и, после долгих поисков, нашел бензобак — крышка оказалась совсем не с той стороны, что он думал. К счастью, шланг удалось дотянуть.

Весь перепачканный, Митя нашарил в кармане последние купюры и протянул их в окошко кассирше, давно наблюдавшей за его манипуляциями на безлюдной заправке со смесью недоумения и злорадства.

— Какой бензин? — спросила она, брезгливо проверяя мятые купюры на ультрафиолетовом детекторе.

— Самый дорогой, конечно! На все деньги! — гордо ответил Митя. — Вы что, разве не видите, какая у меня машина?

— В машинах не разбираюсь, — спокойно ответила кассирша, пробивая чек. — Девяносто восьмой бензин, одиннадцать литров.

Митя боялся, что машина не заведется. Но она завелась, и дальше дело пошло хорошо. Митя обошел свой автомобиль и ласково протер тряпочкой, найденной в багажнике. Мотор работал бойко, шумно, а из выхлопной трубы даже вырывались голубые язычки пламени, напоминающей какой-то добрый старый фильм — то ли «Назад в будущее», то ли «Пятый элемент».

Митя сел за руль и продолжил путь в город. Километров через десять дорога стала шире и лучше. Руки немного дрожали после напряженного

толкания автомобиля, но приятно ныли, а настроение снова поднялось. Митя решил, что неприятности отступили, и попробовал поискать в машине бардачок — вдруг ему повезет, и в нем найдется зарядка для смартфона? Ему не повезло: он что-то неудачно дернул, и выпала вся приборная панель. Несмотря на respectable вид, внутри она оказалась из фанеры. Пришлось затормозить на обочине и выключить двигатель, чтобы поставить ее обратно, не закоротив никакие провода из тех, что торчали внутри пыльной гроздьи.

Когда панель встала на место, машина заводиться отказалась. Стартер трещал и крутился легко, но мотор отказывался работать наотрез. Митя бился почти полчаса, пока не выдохся аккумулятор. Тогда он вспомнил, что рядом с тряпкой видел в багажнике странную металлическую рукоятку — наподобие тех, которыми заводят старые машины в кино. И точно: спереди у машины оказалось гнездо, куда удалось вставить рукоятку. Митя взмок, крутя ее: рукоятка вращалась легко и плавно, но мотор отказывался заводиться.

Кончилось тем, что в темноте мимо промчался «Камаз», окатив Митю грязью из лужи с ног до головы. Положение казалось безвыходным, но Митя не сдавался. Он вышел на обочину и принялся голосовать. Редкие машины проносились мимо, не останавливаясь, лишь один грузовик нервно прогудел — то ли желая удачи, то ли негодуя внезапному появлению темной фигуры на проезжей части.

Митя так хотел, чтобы побыстрее кто-то остановился, что крался шаг за шагом навстречу движению, пока автомобиль не остался далеко за спиной. Через полчаса он замерз окончательно — хоть ему удалось в первый момент стереть комья грязи тряпкой, но одежда оставалась мокрой насквозь.

Наконец притормозила маршрутка номер «1666» с несколькими пассажирами внутри. Уже распахнув дверь водительского отсека, Митя сообразил, что помощи в плане запуска автомобиля здесь ждать нельзя.

— Ну? — нетерпеливо спросил усатый водитель, видя его нерешительность. — В город едем?

— Да какой тут город, у меня и денег нет.. — признался Митя.

— Ладно, будешь должен, — разрешил водитель, с пониманием оглядев его одежду. — Только сиденье мне не измажь, ты ж весь мокрый...

Мите ничего не оставалось, как влезть внутрь, и через час он был уже дома.

Там он стянул мокрую одежду, с проклятиями вымыл голову холодной водой — горячую почему-то в этот вечер решили отключить — упал на диван и провалился в сон.

* * *

Пробуждение оказалось похоже на похмелье: нестерпимо болела голова, чувствовалась полная слабость, всё кружилось, да еще слегка подташнивало. Еще болели мышцы рук и ног — видно, после вчерашнего толкания машины. Нос и горло ощущались так, словно их зачистили напильником, щедро облили едким паяльным флюсом, а по флюсу намазали толстый слой свинцового припоя грубым паяльником. Вчерашнее замерзание на шоссе не прошло даром. Или это иммунитет так ослаб после сдачи крови? Митя вспомнил, как медсестра вдогонку к сладкому чаю советовала пару дней хорошо питаться и избегать физических нагрузок...

Митя попробовал выругаться вслух от бессилия, но горло издавало только невнятный хрип — голос пропал. Он совершенно не представлял, как в таком состоянии тащиться на работу. Тем более, на романтический ужин с великой, но уже такой родной актрисой. Поэтому когда Митя обнаружил, что вчера замочил в тазике грязную одежду вместе с бумажкой, и номер телефона на ней безнадежно стерся, он даже почувствовал некоторое облегчение. По крайней мере, теперь не придется врать и объяснять, что он вовсе не герой, достойный ее, да и машину ему просто подарили, да и вообще все случайность... Машина тоже беспокоила — как она там, на обочине? Что с ней теперь делать? В каком автосервисе ее починят, если денег нет даже на эвакуатор? Да и куда вызвать эвакуатор, если Митя не догадался запомнить место? Еще Митя вчера забыл поставить смартфон на зарядку. И как только он его включил, сразу посыпались сообщения о пропущенных звонках. Незнакомых номеров не было, и Митя с грустью понял, что Майя Львович даже не поинтересовалась, как он доехал. А ведь могла бы! Хотя, как бы она могла, если своего номера он ей не дал?

Все непринятые звонки были с работы — звонил Костя, причем с пяти утра. И еще было два пропущенных звонка от следователя Чашечкина. Митя не успел подумать, что бы это могло означать, как телефон призывно зазвонил — это был Костя.

На звонок Митя ответил, хотя произнести «ало» так и не смог. Впрочем, на том конце провода никто его слушать и не собирался. Костя

орал, чтобы Митя немедленно явился в ларек, потому что начальство его уже обыскалось. Орал Костя, не давая вставить слово, и было лишь понятно, что начальство в гневе, и это как-то связано с тем региональным покупателем, который вчера оставил задаток под расписку. Тревожнее всего прозвучал выкрик о том, чтобы Митя непременно привез эти чертовы доллары, потому что на кой черт он их вообще увез с собой, а не оставил где-нибудь в офисе или в сейфе? Митя точно помнил, что оставил деньги именно в сейфе, но это означало, что они бесследно пропали, а ответственность на Мите. Костя тем временем закончил кричать и швырнул трубку, не требуя ответа на свои претензии.

Порывшись в кухонном шкафу, Митя нашел маленький тубус с шипучими таблетками: аспирин с витамином «С». Там оставалась последняя таблетка, он залил ее теплой водой и начал жадно пить, даже не дожидаясь, пока она полностью растворится. Больше никаких таблеток в доме не нашлось — не считая, конечно, злополучного флакона с пуговицами. Флакон не пострадал. Он был сух, чист, а внутри дробно бреччали пуговицы, как бы намекая, что только они способны вмиг исправить любую ситуацию. Но Митя уже убедился, какая наступает расплата: не прошло и суток, как все вчерашние удачи обернулись гораздо худшими неприятностями. В точности как и рассказывал Гриша.

Хотя, нет. Было вчера что-то, чего уже никому не удастся отнять, опозлать, испортить или переосмыслить: это та несчастная, которую Митя спас, поделившись своей кровью — он и вчера считал это большой удачей, и сегодня тоже здесь ничего не изменилось. Ну и конечно, конечно была эта незабываемая, восхитительная любовь в старинной машине. И нет таких обстоятельств, которые задним числом испортят то, что произошло вчера. Ну ведь правда же?

Мобильник зазвонил снова. Но это уже был не Костя, а незнакомый номер. Подумав, что звонит Майя, Митя нажал кнопку, но в трубке раздался бесцветный мужской голос:

— Дмитрий Германович? — с официальной доверительностью обратился собеседник и, не дожидаясь ответа, пояснил: — Из лаборатории больницы вас беспокоят. Это вы у нас вчера сдавали кровь на анализы? Пожалуйста, примите информацию спокойно: сегодня утром пришли результаты. У вас в крови обнаружен вирус ВИЧ в очень большой концентрации. Это еще называют СПИД. Мы с вами сейчас должны...

Митя не дослушал — просто выключил телефон. Все поплыло перед глазами — несчастный больной на каталке, широко распахнутые глаза актрисы Майи Львович... Митя обхватил голову руками и долго сидел, раскачиваясь. Хотелось повеситься, провалиться сквозь землю, исчезнуть... Какая теперь разница, все кончено. И себя погубил смертельной болезнью, и двух ни в чем не повинных людей — какого-нибудь больного, которому вчера наверняка успели перелить его кровь, и великую актрису...

Он взял себя в руки и выпил чашку чая. Лучше не стало. Митя собрался с силами и поехал на работу. Ни мыслей, ни чувств уже не оставалось. Но уходя, он понял, что его по-прежнему тревожит — коробочка с пуговицами.

«Выкину к чертовой матери! — решил он. — Клянусь, выкину эту проклятую коробку!»

Только отложу одну пуговицу просто на всякий случай.

Митя решил, что лучше пусть она будет с собой — не оставлять же ее дома, вдруг придет следователь Чашечкин?

Митя положил флакончик в карман, но вдруг подумал: а ради чего я себя обманываю? Все равно хуже не будет. Он вынул одну пуговицу, проглотил. А потом и весь флакон на всякий случай сунул в карман. И вышел из дома.

Теперь везение наступало медленно и неохотно, словно устало работать. Митя вспомнил, что Гриша предупреждал именно об этом эффекте. Он говорил: «постепенно развивается толерантность». Митя точно запомнил слово, потому что его удивило, какое отношение к везению имеет термин, который обычно употребляется в интернет-спорах по поводу национальных и сексуальных меньшинств. «Вот только этой проблемы мне не хватало!» — подумал Митя хмуро.

Везение не проявлялось. Правда, на асфальтовой тропинке блеснули две монетки по десять рублей, но Митя счел такую подачку настолько унижительной, что даже останавливаться не стал.

Автобус подошел ровно в тот момент, когда Митя вышел к остановке: не пришлось ни бежать, ни ждать. Это тоже Митю обидело: не везение, а мелкое издевательство.

Мелькнула даже мысль проглотить вдогонку еще одну пуговицу, но Митя испугался этой мысли и сказал себе «нет» настолько твердо, что даже вслух. Зато выяснилось, что голос появился. Да и горло, кстати, болело меньше. Везение начинало действовать!

Зазвонил телефон — это был тот самый медик из больничной лаборатории.

— Дмитрий Германович? — снова доверительно обратился он.

— Слушаю вас очень внимательно, — ответил Митя.

Он представил себя в первом ряду театра с огромной коробкой попкорна в руках — в ожидании, что перед ним сейчас развернется увлекательный спектакль с хэппи-эндом. Что это будет за спектакль — оставалось лишь догадываться. Может, больница расскажет, что произошла ошибка — пробирки перепутаны? Или Дмитрий Германович окажется какой-то другой, тезка? Или это будет хотя бы не СПИД, а всего лишь гепатит? Но лаборатория не торопилась включать задний ход:

— Я вас понимаю, вы сейчас в шоке, — с сочувствием повторял медик. — Но не так все плохо, Дмитрий Германович! У нас с вами есть и хорошие новости!

— Я весь во внимании! — мрачно заверил Митя.

— Если вы следите за последними научными публикациями, — привычно затараторил врач, — современная медицина давно не считает ВИЧ смертельной болезнью! Сегодня развитие ВИЧ можно эффективно приостановить! В некоторых случаях — даже полностью вылечить!

— Это звучит слабо! — раздраженно ответил Митя. — Надеюсь, мне повезло, и у меня именно такой случай?

— Чтобы выработать стратегию лечения, — уклончиво ответил врач, — давайте уточним для начала, с каким заболеванием вы обратились в больницу?

— В каком смысле? — не понял Митя.

— По какой причине врачи назначили вам анализ крови?

— Мне никто не назначал анализ крови!

Настал черед удивиться собеседнику.

— Вы точно Дмитрий Германович Сверчков? — растерялся он. — Нам прислали из лаборатории ваши личные данные: имя, телефон, сказали, что вы вчера сдали анализ...

— Я не сдавал анализов! — Митя изо всех сил пытался оставить лазейку для везения: — Анализы сдавал вам кто-то другой! Понимаете? Это был другой! А я сдавал кровь, был донором!

— Ну вот видите, я об этом и говорю! — обрадовался собеседник. — Вы сдавали кровь! Тогда продолжим. Многие формы ВИЧ излечимы, но требуется...

— Хватит с меня! — решительно перебил Митя. — То, что вы говорите, пока совершенно не облегчает моего состояния! Вы что, не понимаете? Я болен СПИДом со вчерашнего дня! Я успел вчера заразить двух ни в чем не повинных людей! Как минимум, один из них — великий талант мировой величины! Как мне жить теперь? А вы мне рассказываете сказки про долгое лечение! Да будьте вы прокляты со своим диагнозом! Меньше всего меня сейчас волнует собственное здоровье!

— Так-так, — оживился врач. — Сообщите мне пожалуйста телефоны этих двоих?

— Идите к черту! — возмутился Митя. — Это не пуговицы, а говно какое-то!

Он с возмущением повесил трубку и только сейчас заметил, какая напряженная тишина царит в автобусе.

— Садитесь пожалуйста, — произнесла рядом пожилая женщина и уступила ему место.

* * *

Митя ворвался в ларек сотовой связи через служебную дверь в самом дурном расположении духа.

Костя беседовал о чем-то с посетителем в своей обычной чуть выше-комерной манере.

— Нет-нет, — говорил Костя, — дешевых подделок мы не продаем. Все Айфоны у нас настоящие, я могу показать сертификат Ростеста.

«Что за новая беда?» — с тоской подумал Митя.

— Я вас услышал! — продолжал Костя раздраженно. — Но у нас не прокат, девушка! И я не знаю, где вам одолжат Айфон на один вечер, чтоб вы смогли произвести на кого-то там впечатление... Ну, одолжите у друзей, я не знаю... Я бы на вашем месте вообще подумал, надо ли встречаться с мужчиной, которому важен Айфон, а не вы. И не надо мне совать свой паспорт, Олеся Ивановна, мы под залог товары не выдаем. Кто на вас орет? Я не ору! Я спокойно объясняю: если есть деньги — покупаете Айфон. Нет денег — купите дешевый китайский «Макстек» какой-нибудь... Вот, кстати, пришел наш продавец по дешевым Андроидам. Митя, где тебя носит вообще, дуй сюда, разберись... — Костя раздраженно махнул рукой.

Митя вышел из-за прилавка и увидел посетительницу. В первый миг он даже не понял, чем ему неуловимо знакомо лицо этой невзрачной и скромно одетой девушки. Но она его узнала первой — глаза ее широко распахнулись, а рот приоткрылся в изумлении.

— Митя? — переспросила она, глядя на него. — Вы здесь?! Продавец?!

— Здравствуйте, Майя Львович, — ответил Митя угрюмо. — Какими судьбами в наш скромный ларек?

— Я не Майя Львович, — сказала она тихо. — Меня зовут Олеся. Могли бы, Митя, вчера и сами догадаться, не маленький.

— Вчера вы были очень похожи на Майю Львович, — возразил Митя. — С чего бы, как думаете?

— Спасибо за комплимент, — раздраженно кивнула Олеся. — У меня работа такая.

— И что ж это за работа такая?

— Веду в гриме юбилеи и корпоративы.

— Тьфу ты... — протянул Митя разочарованно.

— Ах, как мы разочарованы! — с вызовом ответила Олеся. — Ну а вы, Митя? Где же ваши заводы? Где ваше великое конструкторское бюро вертолетов?

— Бюро вертолетов у него дома на кухонном столе, — хмыкнул Костя. — Я не понял, вы знакомы?

— Я не с вами разговариваю! — одернула его Олеся, не поворачиваясь. Она все так же смотрела на Митю: — А где ваш аристократический автомобиль, Митя?

— На обочине! — в тон ей ответил Митя язвительно: — Вы сами его видели сегодня, когда проезжали на своей маршрутке 1666!

— Не видела.

— Как — не видела?! — опешил Митя и взбесился: — И автомобиль исчез?! Да это вообще праздник какой-то! Это так теперь выглядит везение?!

— А что с машиной? — участливо спросила Олеся. — Если что — мой отец автослесарь...

— Ну, поздравляю! — возмутился Митя.

Олеся обиженно поджала губы.

— А вы, Митя, правда думали, мой отец — великий продюсер Герберт Уинсон? — спросила она саркастически. — И что сама я живу в Голливуде? И мне в этом году исполнится сорок семь лет, как вы могли бы

прочсть в Википедии? А русский язык выучила, чтобы получить роль Наташи Ростовской? А безопасным сексом актриса Львович занимается с первым встречным, несмотря на свой прошлогодний каминг-аут в «Нью-Йорк Таймс» о том, что у нее СПИД?

— Так у актрисы Майи Львович СПИД был еще год назад?! — воскликнул Митя изумленно.

— Увы, Митя. И это вторая деталь в мою пользу, помимо возраста, верно? — съязвила Олеся. — Счет Олеся-Майя: два к тысяче!

— Я уже вообще не понимаю, чему радоваться, а чему нет! — честно ответил Митя.

— Хватит! — вмешался Костя. — Если это твоя знакомая, выпиши ей Айфон под свою ответственность, а завтра оформим как возврат. И пусть катится на свое свидание!

— А меня на свидание пока никто и не приглашал! — с вызовом ответила Олеся, не глядя на него. Она смотрела только на Митю.

— Так у меня номер постирался вместе с курткой... — стал оправдываться Митя.

— Совесть у тебя постиралась, — сказала Олеся с горечью.

Она развернулась и ушла, хлопнув стеклянной дверью так, что зазвенели шкафчики со смартфонами.

Митя глубоко вздохнул.

— Кто это был? — спросил Костя.

— Теперь уже не знаю, — честно ответил Митя.

— Проехали, — деловито подытожил Костя. — Ты деньги привез?

— Деньги в сейфе.

— В сейфе я смотрел, там нету. А расписка есть. Ты чем собираешься отдавать такую сумму, если что?

— Так посмотри еще раз! — сердито сказал Митя, а сам ушел за прилавком.

Пока Костя брэнчал ключами и рылся в сейфе, Митя достал флакон, нащупал пальцем новую пуговицу и замер.

Горло не болело — факт. ВИЧ куда-то делся, но грозит он актрисе Майе Львович, или не актрисе, но тоже милой девушке, было уже не понять — всё слишком запуталось. Машина сломалась и сгинула. Деньги повисли в неизвестности. А еще следователь звонил утроем...

— Нет здесь денег! — крикнул Костя. — Третий раз уже смотрю!

— Сейф крохотный, ищи нормально, паникер безрукий! — рявкнул Митя и решительно бросил пуговицу в рот.

— А, вот они... — ответил Костя неохотно. — Пятнадцать тысяч долларов, обалдеть! Трудно было сказать, что они на нижней полке?

Мобильник зазвонил снова — это был тот врач из больницы.

— Дмитрий Германович, — сказал он ласково. — Я понимаю ваше состояние, но я пытаюсь вам помочь.

— Спасибо, — поблагодарил Митя. — Я принял успокоительное и внимательно вас слушаю.

— У вас обнаружен белок вируса СПИД самой легкой разновидности, — объяснил врач.

— Так, белок вируса. Продолжайте.

— Вы что, врач?

— Нет, я вертолетчик.

— Прекрасно, — продолжал медик: — Итак, ваша форма белка полностью излечима!

— Продолжайте.

— Но курс этих лекарств есть только за рубежом, он стоит три миллиона долларов.

— Продолжайте.

— Но вам повезло, Дмитрий Германович!

— Пока не вижу.

— В нашу больницу прислали полный курс этих дорогих лекарств для аттестации Минздрава! И мы готовы вам предложить полное излечение всего за пятнадцать тысяч долларов!

Митя выглянул из-за прилавка: Костя сосредоточенно пересчитывал деньги.

— Нет, у меня таких денег, — ответил Митя.

— А сколько у вас есть? — с готовностью спросил врач.

— Вообще нет денег! — раздраженно ответил Митя. — Они не мои! Придумайте что-нибудь поинтереснее!

— С чего это я стану вам все придумывать? — обиделся собеседник.

Митя вдруг замер.

— А ведь вы правы! — воскликнул он. — С чего бы? Давайте я вам всё придумаю! Как вас зовут? Что за лаборатория? Где я могу увидеть результаты своих анализов?

— Результаты мы вам сами привезем на дом! — уверил собеседник.

— Дайте телефон начальника лаборатории! Номер главврача больницы, с которым я могу обсудить лечение!

— Вы можете всегда звонить по этому телефону, с которого я звоню... — растерянно ответил собеседник.

— Вы мошенник! — объявил Митя. — Вам какая-то больничная уборщица крадет телефоны всех сдававших кровь, а вы им звоните и разводите на деньги! Я сейчас перезвоню своему старому другу — следователю Чашечкину! И вы сядете в тюрьму за мошенничество! Или вы и так уже в тюрьме? И звоните мне оттуда? Я читал, это известный бизнес у экзков...

— Чтоб ты сдох, чертило верзаный, королева армянская! — глухо ответил собеседник и бросил трубку.

Митя сладко потянулся: это была настоящая победа — чистая и красивая. Омрачало ее лишь смутное ощущение, что можно было догадаться и раскрутить это еще утром, без всяких пуговиц. Но теперь в любом случае следовало подстраховаться, и Митя бросился развивать успех: он быстро нашел в сети телефоны больницы и дозвонился до главного врача. Не дослушав рассказа о звонке неизвестного, главврач разволновался, сказал, что это известная схема мошенничества, просил никаких денег им не давать и уверял, что больница никогда, никогда не стала бы звонить по поводу ВИЧ! Митя попросил проверить результаты своего анализа. Главврач перезвонил кому-то, уточнил и успокоил Митю: вся донорская кровь отправляется на проверку, анализ делается несколько дней, и раз это было вчера, то раньше понедельника результатов быть не могло просто физически. Этот ответ Митю не сильно успокоил — он понимал, что к понедельнику коварные пуговицы могут всё вернуть. Но пока ВИЧ отступил. И если в мире действительно бывали случаи полного излечения, то нынешнее по праву можно было считать самым стремительным.

Митя расправил плечи и вышел из-за прилавка. Солнечный свет бил в стекла ларька, по стеллажам мобильных прыгали радужные блики. Все было ярким, цветным и праздничным.

— Так! — сказал Митя. — Теперь рассказывай, чего ты полез в сейф?

— Буду оформлять партию телефонов, — объяснил Костя.

Митя покачал головой.

— Мой покупатель, я и буду оформлять.

— Я старший продавец! — напомнил Костя. — Покупатели мои!

— Ну тогда оформляй, — притворно кивнул Митя. — А я пойду в жраловку.

И он направился в выходу.

— Стой! — Костя дернул его за рукав. — Дай контакты покупателя? В расписке почему-то ни телефона, ничего.

— Нет, — покачал головой Митя. — Твой покупатель, ты и контактируй. А я начальству скажу, что ты сорвал сделку.

— А я скажу, что ты! — закричал Костя.

— А ты скажешь, что я... — легко согласился Митя и пошел к выходу.

Костя заволновался.

— Ладно, оформляй сам, — сдался он.

И Митя приступил к работе. Он позвонил начальству и выяснил судьбу партии. Позвонил вчерашнему клиенту и обсудил с ним детали. Снова перезвонил начальству. Снова клиенту. Потом решил, что свою работу выполнил и предложил связать их напрямую, но клиент неожиданно оказался против: он сказал, что прекрасно разбирается в людях и сразу увидел, что Митя — порядочный человек, который не кинет. Митя не нашел, что возразить. Клиент объяснил, что желает, чтобы договор о партии смартфонов подписал именно Митя, и никто другой. Вот такое желание!

Это было лестно и неожиданно. Митя перезвонил начальству, объяснил ситуацию. Начальство ответило, что подписать договор на такую большую поставку может лишь гендиректор и его заместитель. Но уже буквально через минуту начальство перезвонило Мите и сообщило новости: оптовик действительно настаивает на кандидатуре Мити, поставка планируется очень большая, это небывалый контракт, поэтому на совете акционеров было решено назначить Митю заместителем директора сети с правом подписи. Завтра состоится подписание контракта.

Не успел Митя осмыслить эту новость, как в ларек заявился покупатель китайской внешности, плохо говорящий по-русски. Китаец, желающий купить китайский смартфон в ларьке мобильной техники — это был неожиданный поворот. Митя почувствовал, что это неспроста. И принялся увлеченно расспрашивать китайца, какой ему нужен смартфон. Китаец оказался мил, обаятелен и разговорчив. Когда ему не хватало русских слов, они переходили на английский, когда у Мити заканчивались английские — обратно на русский.

Выяснилось, что китаец — космонавт, и он завтра уезжает на Байконур, чтобы отправиться на МКС. Смартфон ему требуется надежный, с хорошей фотокамерой, чтобы он смог заснять старт и отправить с ор-

биты своей жене. Митя признался, что он окончил техникум космического приборостроения, китаец пришел в восторг, и Митя стал излагать, что думает о перегрузках и требованиях к спектру фотокамеры. Китаец слушал и кивал. Митя показывал образцы и так увлекся выбором смартфона для китайца, что не сразу сообразил, в чем парадокс. А сообразив, спросил китайца, как тот планирует заснять свой старт, если сам будет в ракете? Китайский космонавт хлопнул себя ладонью по лбу и признался, что эта мысль ему совсем не приходила в голову. Действительно, как? Он остро пожалел, что у него нет такого грамотного помощника, как Митя, который смог бы поехать с ним завтра на Байконур и заснять взлет... Он вопросительно глянул на Митю, и тот вдруг понял, что это то, о чем он мечтал с детства: шанс, который нельзя упустить — попасть на космодром и увидеть старт! Митя дерзко предложил китайцу отправиться с ним и заснять старт. Удивительно, но китаец тут же согласился, словно этого и ждал — пообещал выписать Мите пропуск и билет. Машина, увозящая китайца в аэропорт, уходила завтра в 8 утра с окраины, и они договорились встретиться завтра прямо там, у машины. Митя не верил своему счастью.

Костя шатался рядом и не понимал, что вообще происходит.

Но Мите было не до него — он чувствовал себя в круговороте событий и решил использовать все возможности по максимуму. Он уже четко уяснил два правила. Первое он понял еще утром: за все придется расплачиваться самыми немислимыми бедами. Второе понял только сейчас: чем активнее и умнее вести себя, тем больше можно успеть сделать, и тогда есть призрачный шанс по итогам все-таки выйти в плюс... И хотя Мите безумно хотелось сейчас просто плыть по течению и получать подарки судьбы, но он твердо решил взяться за работу и успеть сделать сегодня столько, чтобы больше никогда не пришлось открывать проклятый флакон с пуговицами. Первым делом Митя сел и составил список всех своих нынешних проблем и дел.

Во-первых, его беспокоило завтрашнее подписание контракта — он понимал, что завтра будет не самым удачливым человеком. Поэтому Митя сел за телефон, включил всю свою настойчивость, какая только была, и уговорил все стороны, чтобы подписание контракта перенесли на сегодня. Потому что завтра с утра он уезжает на космодром. И хотя у Мити осталось впечатление, что в космодром не поверили, но договориться о подписании контракта сегодня удалось.

Следующей проблемой в списке был пропавший автомобиль. Как к этой беде подступиться, Митя пока не представлял. Наверно, надо было объявить розыск, но у него не было даже документов на машину, да и номера ее он не помнил. Впрочем, номер навверняка знала старушка. Но как ей сообщить, что ее дорожный подарок он потерял в тот же день? Сама по себе старушка была еще одной проблемой, потому что Митя всерьез опасался за ее здоровье. Ведь он еще вчера решил больше никогда не глотать пуговиц, чтобы не подвергать опасности ее жизнь: может, пуговица сочла бы для Мити большой удачей внезапно свалившееся наследство, но сам Митя был уверен, что жизнь старушки важнее. Поэтому он позвонил ей и мило поговорил: поблагодарил за вчерашний подарок, спросил, надо ли ей привезти каких-то лекарств или продуктов, а заодно очень аккуратно поинтересовался документами на машину. Старушка была в самом добром здравии и расположении духа, продуктов и лекарств ей не требовалось, и это было тоже везением, потому что тратить сегодняшний день на удачные призы и скидки в аптеках и продуктовых маркетах Мите совсем не улыбалось. А вот на вопрос о документах старушка просто не ответила, словно не услышала. Митя повторил вопрос еще дважды, но старушка демонстративно начинала говорить о чем-то другом. Этот безобидный прием выглядел крайне оскорбительным, но Митя списал всё на скверный характер пожилого человека. Дальше в списке проблем числилась идея добраться до дома и починить вертолетик, но Митя ее решительно вычеркнул, рассудив, что порядок приоритетов не тот.

Оставались в списке две большие проблемы. Во-первых, следовательно Чашечкин, который опять звонил утром. Вторую проблему Митя обозначил лаконично «Майя». Но пока не знал, как к ней подобраться, и взялся за следователя — это казалось ему проще.

Дозвониться Чашечкину удалось с первого раза, и тот сразу понял, кто с ним говорит. Митя спросил прямо: что случилось и что от него, Мити, надо, учитывая, что дело вчера было закрыто? Чашечкин даже смутился от такого напора и начал мямлить, что у него остались вопросы, и он бы хотел встретиться. Митя предложил встретиться немедленно, чтобы решить все вопросы. «Потому что завтра утром я улетаю на...» — начал он, но вовремя остановился. Уж кто-кто, а следователь Чашечкин был слишком хорошо осведомлен о приключениях покойного Гриши и даже почти догадывался о причинах. Хвастаться перед ним своими приключениями было просто безумием.

Чашечкин хотел перенести встречу на завтра, но Митя был тверд и выражал готовность приехать в отделение прямо сейчас, понимая, что завтра встреча может закончиться тюрьмой. Наконец Чашечкин согласился и назначил встречу в кафе в центре города.

Итак, план дел был сформирован, день обещал быть удачным. Митя задумчиво обвел несколько раз пункт «Майя» в списке так, что получился кружок. Затем пририсовал две ножки, две ручки, нарисовал глаза, реснички, челку, и получилось даже чем-то похоже... В конце концов, это ведь тоже особая удача, что она вовсе не Майя Львович, но при этом столь же прекрасна. Митя твердо решил найти сегодня эту девушку, извиниться за свое недостойное поведение и попытаться уговорить сходить с ним поужинать. Вдруг она согласится? Учитывая то, что между ними было вчера? Даже если он не директор вертолетного завода? Имя и отчество Митя помнил: Олеся Ивановна. Фамилию видел Костя, но вспомнить не смог и вообще был ошарашен от Митиной активности. «Да что с тобой творится уже второй день? — спрашивал он. — Ты не наркоман часом?» Митя не удостоил его ответом и отправился на встречу с Чашечкиным.

Всю дорогу по улицам родного города его одолевали мелкие чудеса. Люди в рекламных костюмах раздавали конфеты и призы. Красивые девушки модельной внешности подходили и спрашивали дорогу. На тротуаре под скамейкой валялся чей-то увесистый кошелек, возможно набитый деньгами или документами. Нечестный везучий человек мог бы взять его себе и разбогатеть. Честный везучий мог вернуть его владельцу и получить большую благодарность, дружбу, ценные связи или хотя бы просто чувство удовлетворения. Но Митя решил не связываться, понимая, какими проблемами такие кошельки могут обернуться назавтра. Какой-то лохматый парень шел за Митей минут пять и настойчиво предлагал срочно купить у него совсем новый Айфон просто по цене бутылки водки. «Тебе не нужно — подруге подаришь!» — повторял он. И хотя Мите безумно хотелось купить у него эту штуку и подарить Олесе, но догадывался, что завтра и Айфон скорее всего окажется краденым, и хорошо еще, если не снятым с трупa. Митя был тверд и на провокации не поддавался.

Он думал о том, как разыскать Олеся. Идей было три, и все не очень удачные. Отправиться в тот ночной клуб и спросить, кто там выступал вчера? Поискать в интернете объявления о шоу-программах двойников? Или погуглить автосервисы, где работает слесарь Иван, отец девушки по

имени Олеся? Пока что самой удачной казалась идея просидеть вечер около остановки маршрутки 1666 и подкараулить Олеся там.

Кафе «Блинница», в которой назначил встречу следователь Чашечкин, меньше всего подходило для встреч следователя со свидетелями. Столовая самообслуживания: металлические полозья вдоль прилавка, горы красных пластиковых подносов, толпа людей и шум. Ни посидеть, ни поговорить. И блинов здесь почему-то не было. Митя скромно взял компот с бутербродом и, сделав пару кругов по залу, нашел свободное место за дальним столиком. Чашечкин пришел через четверть часа, и за это время местная уборщица трижды вытирала перед Митей стол, намекая, что место пора освободить. Чашечкин вошел в кафе и принялся неуклюже озираться, но Митю не увидел. Митя наблюдал за ним из-за своего столика, прикидывая, как построить беседу, и какие вопросы мог бы задать Чашечкин. Тот тем временем достал телефон, начал в нем копошиться, а затем сунул в карман и оглянулся снова. И хотя никакого сочувствия к этому человеку у него быть не могло, Митя вдруг понял, что он ему сочувствует — уж больно Чашечкин своей растерянностью и неуклюжестью напоминал его, Митю. Только, разумеется, не сегодня, а в обычные дни. «И как он только стал следователем? Это же типичный неудачник» — решил Митя. Он встал и пошел к Чашечкину.

— А вот вы где! — обрадовался Чашечкин. — А я вам звоню, но мобильник сел!

— Не может быть, — покачал головой Митя, — я его успел отлично зарядить на работе.

— Да нет, у меня мобильник сел! — объяснил Чашечкин.

Митя вытащил из куртки переносной аккумулятор.

— Подойдет? — спросил он и протянул аккумулятор следователю.

— О, это вы меня очень выручите! — обрадовался Чашечкин. — Откуда у вас такие интересные приборы?

— Я же работаю в ларьке сотовой связи, — объяснил Митя.

Митя предложил Чашечкину побеседовать в менее шумном месте, а лучше — пройти по бульвару обратно до его, митиной, работы. Чашечкин согласился.

Пару минут они шли молча. Митя наслаждался весенним солнцем и прогулкой, а Чашечкин сосредоточенно сопел, думая, с чего начать разговор. Мите было его жалко.

— Давайте присядем на скамейку, Тимур Петрович, — предложил Митя. — Вы же будете писать протокол, верно?

— Нет, — покачал головой Чашечкин, плюхаясь на скамейку. — Никакого протокола, я просто поговорить, Дмитрий Германович. Видите ли, эта вчерашняя сцена...

— Понимаю, — кивнул Митя. — У меня тоже начальство не подарок.

— В общем, — продолжил Чашечкин, — несмотря на вчерашнее, я по-прежнему веду это дело.

— Вот как? Майор оттаял?

— Нет. Но я решил довести дело сам, чего бы мне это ни стоило. Это уже дело чести.

— Понимаю и уважаю, — снова кивнул Митя. — Чем смогу — помогу. Вот только в чем оно, дело чести? Моего одноклассника Гришу придавил столб, и его больше нет. Гриша не был бандитом и не был вором — он был талантливым ученым с неудачной судьбой, это я вам говорю как человек, который знал его с детства. — Митя чувствовал прилив красноречия. — Не знаю, почему столько бед свалилось на него в последнее время. Может, за ним теперь остались какие-то долги или его кто-то подставил или оклеветал...

— Нет, долгов он не оставил.

— Я даже готов допустить, что Гриша наделал каких-то преступных ошибок — по незнанию. Но ведь его больше нет. С него не спросить и не посадить в тюрьму. Я правильно рассуждаю, Тимур Петрович?

— И да, и нет... — ответил следователь задумчиво. — Человека нет, а дело есть.

— Вам виднее. Но чем я могу помочь?

— Для начала рассказать всё честно.

— Я давно вам всё рассказал. Гриша говорил, что у него проблемы. Что ему не дали премию за открытие по физике. Что его лаборантка подала на него в суд якобы за домогательства...

— Про прибор, — перебил Чашечкин. — Меня интересует прибор, который ворует предметы на расстоянии!

Мите даже не пришлось изображать удивление:

— Предметы? Прибор ворует предметы?

— Представьте себе, Дмитрий Германович! Золото из сейфовых ячеек. Автомшины. Что угодно!

— Тут я вам ничего рассказать не смогу, — Митя развел руками. — Про ворующий прибор Гриша мне не говорил.

— Жаль.

— Я могу идти? — спросил Митя, рассудив, что везение состоялось по полной программе, и следователь его больше не побеспокоит.

— Есть еще один вопрос, — сказал Чашечкин. — Мне нужна помощь.

— Ну... я готов, — предложил Митя.

— Можно на ты? — спросил Чашечкин. — Меня можно звать просто Тимур.

— А я Митя.

Чашечкин пожал Мите руку.

— Митя, — сказал он, — буду с тобой честен: у меня не осталось способов распутать это дело. Но я доведу его до конца! Понимаешь, Митя, я ведь действительно не следователь. Я участковый. А у нас на районе дела сам знаешь какие. Кто-то подрался, кто-то без прописки жильцов поселил, супруги в разводе мебель делают, бабка из твоего подъезда пишет заявление: мол, возле ее окна летал спутник-шпион... Вот ты бы смог такое дело раскрыть, Митя? Спутник-шпион?

Митя вздохнул.

— Откровенность за откровенность, Тимур: бабкино дело раскрыть несложно. Это я летал.

— Как?!

— Вертолетик свой испытывал во дворе. Только это еще до Нового года было, сейчас он опять сломан.

Следователь Чашечкин с досадой хлопнул себя по колену.

— Ах ты ж черт! — воскликнул он с азартом. — А ведь я и сам мог догадаться, когда твою мастерскую увидел! И что ж я не догадался-то? Может, и правда я никудышный следователь?

— Отличный следователь! — уверил Митя. — Лучший из всех, кого я знал лично!

— Подпишешь мне бумагу про вертолетик?

— А какое наказание мне за это будет?

— Никакого. Просто как свидетель, я хоть одно дело закрою.

Митя кивнул.

— Так вот, — продолжал Тимур. — На фоне всей дворовой ерунды, которой нет ни конца, ни края, ни карьерного роста, появляется дело Григория — настоящее, грандиозное! Я это сразу понял. Мне никто не верит. Но я-то чую, чем оно пахнет! А такой шанс бывает у следователя, может, раз в жизни! Я должен его раскрыть. Чего бы мне это ни стоило! Или рас-

крою, или вообще зря на земле живу. Понимаешь, Митя?

— Нет, — Митя покачал головой. — Решимость достойна уважения, а вот дела я здесь не вижу. И в прибор не верю.

— А ведь он есть!

Митя развел руками.

— Поэтому мне нужно, — продолжил Чашечкин, — чтобы ты мне помог: сделал вид, будто устройство Григорий оставил тебе.

— Что это значит?

— Просто сделать вид! — торопливо уверил Тимур. — Будто прибор перешел к тебе, и теперь ты воруешь предметы!

— Я не хочу воровать! — возмутился Митя. — Я честный гражданин!

— Воровать не надо! Надо просто публиковать объявления в интернете от своего имени, мол, срочно, дешево продаю антиквариат, золото, коллекционные автомобили...

— Но у меня нет никаких коллекционных автомо... антиквариата!

— И не надо, Митя! Нужно сделать вид, что есть. И они сами на нас выйдут!

— Кто?!

— Те, кто охотятся за прибором. Или ты думаешь, я один за тобой слежу?

Митя покосился на Чашечкина.

— Кому я нужен, следить за мной?

— Гриша-то к тебе приезжал. Они же это тоже видели!

— Кто?!

— Корейцы, например. Из Северной Кореи. Они давно охотились за ним, чтобы отобрать прибор! Сейчас вернусь...

Тимур вдруг встал, сделал неопределенный жест рукой и направился к синей кабинке туалета в кустах сирени.

Митя остался ждать на скамейке, крепко задумавшись. Он думал о том, что зря тратит свое драгоценное везучее время со сбрендившим следователем, его можно потратить на гораздо более интересные вещи. Например — попытаться разыскать Олесю... Вдруг она сама позвонит? Это было бы гораздо лучше, чем мерзнуть на остановке маршрутки 1666 много часов, да так никого не дождаться...

И как только он это подумал, зазвонил мобильник. Митя проворно выгашил его, но звонок продолжался — это звонил мобильник следователя Чашечкина, который так и остался лежать на скамейке, подключенный

проводком к аккумулятору. Митя бы ни за что не стал отвечать на чужие звонки чужого телефона, но... на экранчике светился портрет Олеси. Это было совершенно невозможно, но это была именно она.

— Привет! — ответил Митя.

Трубка смущенно молчала.

— Ой, — сказала наконец Олеся. — Это Митя?!

— А кто же еще!

— Значит, я ошиблась номером? — засмеялась Олеся.

— Очень удачно ошиблась! — с жаром выпалил Митя. — Слушай, я хотел извиниться за эту неловкую сегодняшнюю сцену! Честное слово, я очень рад был тебя увидеть, просто растерялся! Может быть, мы все-таки пойдем сегодня поужинаем?

— Ну, и ты меня извини, я тоже оказалась не готова к такой встрече...

— Так мы ужинаем?

— Я подумаю, — сказала Олеся кокетливо, и Митя понял, что она согласна.

— Я тебе перезвоню через полчаса, ладно?

Они распрощались. Митя едва успел переписать ее телефон из мобильного Чашечкина, как тот вернулся.

— Итак, — сказал Чашечкин деловито. — На чем мы остановились?

— На том, что мне предлагается публиковать объявления, типа продаю антиквариат, чтобы всякие бандиты или разведчики начали охотиться за мной.

— Да! — обрадовался Тимур. — И вот тут мы их поймем!

— И что это даст? — спросил Митя. — Прибора-то у них нет.

— Об этом я не думал, — признался Тимур. — Но зато появятся новые зацепки и улики!

— Я понял, — сказал Митя и встал. — Но это без меня. Я-то при чем? Тебе надо — ты и давай объявления про антиквариат.

— Как? — растерялся Чашечкин.

— А вот так. Зачем тебе я? Я друг Григория, которому он мог что-то оставить. Ты — следователь Григория, которому могли достаться его вещи или дневники. Нет разницы, кто из нас будет приманкой. Пусть они думают, что прибор у следователя, и охотятся за тобой. Логично?

Тимуру явно эта мысль не приходила в голову. И не очень понравилась.

— Мне бы хотелось, чтобы это был ты, — сказал он.

— А мне нет, — отрезал Митя. — Зачем мне проблемы? Ты сыщик, ты и ищи. Найдешь — получишь медаль. А я продавец в ларьке, какой мне смысл рисковать? Извини, Тимур, мне пора на работу.

— Ты даже не хочешь распутать, что случилось с твоим другом? — отчаянно спросил Чашечкин.

— На него упал столб, — вздохнул Митя.

Чашечкин не нашелся, что ответить. Они распрощались и пошли в разные стороны. Один раз Митя все-таки обернулся: следователь Тимур Чашечкин шел медленно и грустно, его ссутулившаяся спина неуклюже пыла в потоке людей.

* * *

День продолжал радовать. Процедура назначения Мити заместителем директора прошла в главном офисе деловито и молниеносно. Региональный оптовик приехал тоже, прямо тут Митя подписал с ним контракт на поставку огромной партии телефонов. Он подозревал, что после этого его снова разжалуют в продавцы, но начальство пожало ему руку и пожелало удачи. Вся процедура заняла полчаса. Напоследок Митя настолько обнаглел, что одолжил у босса немного карманных денег. Босс недоуменно переглянулся с региональным покупателем, словно они были знакомы, но запустил руку в карман, вытащил не глядя пачку купюр и вручил Мите.

— Отдам с ближайшей зарплаты! — пообещал Митя.

— Не надо, — босс сделал вальяжный жест рукой. — Тебе пригодится.

Все равно Митя чувствовал, как время неумолимо летит и движется к вечеру. Надо было спешить, чтобы поймать всю удачу, какая оставалась. Он удачно заказал столик на двоих в суши-баре на последнем этаже небоскреба — единственного в городе. Позвонил Олеся, сказал, что столик уже заказан и попросил встретиться через полчаса. Олеся не была готова встретиться так рано, но Митя был настойчив.

Отсюда, через гигантские стеклянные окна, открывался потрясающий вид на весь город — старый центр с бульваром Мира, новостройки спальных районов и дальше зеленая пелена леса: сосны, сосны, сосны.

Олеся пришла хмурая и остановилась перед столиком, упрямо поджав губы.

— Это свинство, — сказала она строго, — вот так, перед фактом ставить. Договаривались вечером. Мне пришлось сбежать с работы на полчаса раньше. Я бы хоть сменщицу уговорила...

— Это тебе, — сказал Митя, вытащив из-под стола букет роз.

Честно говоря, он не думал, что этот ботанический сувенир окажется настолько удачной идеей, но эффект превзошел все ожидания. Олеся пришла в восторг, сразу оттаяла и поцеловала Митю. Вечер обещал быть удачным.

— А что за сменщица? — поинтересовался Митя. — Разве кто-то может тебя заменить в гриме Майи Львович?

— Я в парикмахерской работаю, — неохотно объяснила Олеся. — Двойником — это так, подработка, не каждый месяц случается. И не только Майя Львович, кстати. Я много кого изобразить могу... — Она вдруг оттянула пальчиками виски, из-за чего ее глаза стали узкими, чуть убрала назад подбородок, смешно открыла рот и вдруг произнесла на весь зал тоненьким голоском Феи Лулу из мультсериала: — Император Хотон выключит ваше Солнце, если воинам сию минуту не принесут еды!

Митя расхохотался, настолько это было похоже.

Официант тут же подбежал к столику и торопливо расставил чашечки с чаем и белые дымящиеся салфетки.

— Ага, — усмехнулась Олеся. — Ты тоже смотришь «Звездных самураев», заводчик вертолетов?

— Ну я пока не совсем заводчик, — признался Митя. — И старинная машина тоже не моя — мне ее подарили...

— Везучий ты, — присвистнула Олеся.

— Есть немножко, — признался Митя. — По крайней мере, мне повезло познакомиться с тобой.

— Кстати, о машине, — продолжила Олеся. — Я знаю, где она.

— Где?! — жадно спросил Митя, не веря удаче.

— Есть у нас такой дурачок в Соболевке, тракторист Пашка. Он ее к себе в сарай утащил.

— Откуда ты знаешь? — удивился Митя.

— Он к отцу приходил сегодня в мастерскую, предлагал купить на запчасти. Отец сходил посмотреть — там в моторе клапана прогорели. Ты каким ее бензином заправлял, чудо?

— Хорошим! — уверил Митя. — Самым лучшим!

— Зря, — сказала Олеся. — А еще там бампер оторван, когда Пашка ее трактором ташил. Отец мне и перезвонил... — Олеся достала из сумоч-

ки и протянула Мите маленькую свернутую бумажку: — На, держи телефон Пашки. Разберись с ним, ты же у нас ниндзя.

— Спасибо! — Митя спрятал бумажку. — А почему отец тебе вдруг позвонил? Советовался, брать или нет?

— Я же ему вчера хвасталась, что меня подвозил молодой человек на Ягуаре Е-Тайп, шестьдесят девятого года, а он мне не верил... Теперь верит. — Олеся засмеялась. — Но ты мне и без Ягуара нравишься, — добавила она. — Только я бы тебя постригла по-человечески.

— Как Императора Хотона? — пошутил Митя.

Олеся с интересом оглядела его голову.

— А запросто! — сказала она. — Не боишься? Машинка для стрижки у меня с собой, если что.

— Договорились, — улыбнулся Митя.

Официант принес дымящиеся чашки супа, здоровенную доску с роллами и бутылку настоящего японского вина с плавающей на дне сливой.

— Так у тебя есть мастерская вертолетов или нет? — спрашивала Олеся.

— Есть, но они пока плохо летают, — объяснял Митя. — Когда-нибудь полетят.

— Высоко?

— Выше всех! По образованию-то я техник космического приборостроения.

— Ого! В космосе не был?

— Не был. Хотя завтра мне надо съездить на Байконур, — вспомнил Митя. — Пофотографировать пригласили.

— Везет тебе! — сказала Олеся. — Меня возьмешь?

— Я бы рад, но в этот раз не получится, самому с трудом выписали пропуск... А ты где-то учишься?

— Не-а, — вздохнула Олеся. — Три года подряд поступала в театральный, и не взяла. Представляешь, три года! В этом году уже и пробовать не буду...

— Почему? Вдруг повезет?

Олеся покачала головой.

— Не повезет. В последний раз там такая старая дура сидела в приемной комиссии... «Девочка моя, ты парикмахером работаешь?» — пердразнила она глубоким грудным голосом, изображая палочкой для суши длинную сигарету, — «Возвращайся в свой город и стриги! Стриги, девочка моя! А высокое театральное искусство — это не твое...»

Митя рассмеялся.

— Я бы тебя точно взял с такими талантами, — уверил он. — Помоему, ты прекрасная актриса!

— Ты врешь, но приятно, — согласилась Олеся.

— Не вру! — обиделся Митя. — Ты мне правда дико нравишься!

— Ты тоже ничего, — кивнула Олеся. — Даже хорошо, что ты не олигарх. Ты мне нравишься.

— Что-то мне подсказывает, что завтра морок рассеется, и ты передумаешь, — съехидничал Митя.

— Я довольно постоянна в своих симпатиях, — возразила Олеся серьезно.

— Чем же я тебе понравился? — удивился Митя.

Олеся задумалась.

— Не знаю. Ты чем-то на Фродо похож из «Властелина колец», — сказала она.

— Я? — изумился Митя — На Фродо? Совсем не похож.

— Я бы тебя под Фродо загримировала — нефиг делать. Но сейчас я о внутренних ощущениях. Ты какой-то... слишком честный, что ли? Готов на подвиги, а взгляд испуганный. Словно у тебя на шее висит Кольцо Всевластия и давит, давит, давит...

Это было чересчур.

— А знаешь, чем ты мне понравилась? — торопливо перебил Митя.

— Конечно, знаю: Майей Львович, — усмехнулась Олеся.

— Нет, ты намного красивее! — уверил Митя.

— Брось, — поморщилась Олеся. — Без грима я некрасивая.

— Самая красивая! — уверил Митя. — Потому что ты самая живая и естественная из всех, что я видел!

— Мало живых видел, значит, — пробормотала Олеся, но улыbnулась: — Все равно приятно врешь!

— Я же честный Фродо, я не вру, — напомнил Митя.

Он подвинул плетеное кресло поближе и обнял ее за плечи. И они стали смотреть через стекло на город.

* * *

Будильник выдернул Митю из сна, и он его выключил, чтобы не разбудить Олеся. Олеся спала рядом, разметав волосы по подушке и сладко

улыбаясь. Хотя волшебство пуговицы к утру закончилось, Олеся никуда не исчезла, не превратилась в жабу, не оказалась скрытым трансвеститом. И это уже можно было считать первой сегодняшней удачей. Митя нежно поцеловал ее в щеку и стал тихонько собираться на космодром. Настроение было все еще праздничным, но Митя ждал подвоха. Он еще раз посмотрел на Олесю, сладко спящую на его диване и улыбнулся.

Сюрприз поджидал в ванной: Митя глянул в зеркало и опешил — из пыльного стекла на него смотрел человек с прической Императора Хотона. По голове словно прошелся когтями тигр от лба до самого затылка, распахав голову на полосы гладко выбритой розовой кожи и полоски густой шерсти, вздыбленные вверх каким-то гелем или клеєм. Конструкция была объемной и слегка напоминала ребристый шлем велосипедиста. Митя не очень помнил, как они это вчера сделали, а главное — зачем.

Вдобавок в квартире снова отключили горячую воду. Скрипя зубами, Митя забрался под ледяной душ и тщетно попробовал отмыть гель — вода скатывалась с прически, не впитываясь, и волосы оставались прямыми и жесткими. Голова по-прежнему напоминала ровные лесопосадки новогодних елей, только теперь елки были мокрые.

Негромко проклиная Императора Хотона и весь мультсериал про Фею Лулу, Митя вытерся полотенцем, посмотрел на часы, присвистнул, кинул в сумку паспорт, зарядку для смартфона и майку, надел куртку и нащупал в кармане флакон от мыльных пузырей. Первой мыслью снова было избавиться от него, пока не обрушились неприятности. «Запас карман не тянет...», — пробормотал Митя и рука сама потянулась к флакону, словно ей управлял уже не он, а какая-то чужая сила.

Вот же проклятье! Всё, как предупреждал Гриша.

Митя вдруг увидел свое отражение в стекле хозяйкиного буфета: на голове словый подросток, а лицо испуганное и растерянное — и впрямь вылитый Фродо.

«Стоп! — сказал он себе. — Стоп! Важная клятва! Важная клятва, важная клятва! — он сделал глубокий вдох и одними губами заявил: — Даю себе свое самое честное слово, клянусь всем, что мне дорого... Клянусь здоровьем мамы, клянусь Олесей! Я не буду пользоваться этой дрянью сегодня! И не только сегодня — никогда больше! А флакон выкину!» — добавил он и перевел дух.

Это, конечно, было сильным решением. Но сразу же безумно захотелось взять флакон с собой на космодром. Воображение живо нарисовало картину: один из космонавтов не может лететь, старт через пять минут, срочно требуется замена, нужен человек молодой, здоровый, идеально подходящий по размеру скафандра, а главное — чтоб разбирался в электронной аппаратуре... И тут как раз выходит к ракете главный по запуску, комендант Байконура — а это по чистому везению наш бывший толстый ректор Иван Гаврилович, преподаватель сопромата в техникуме. Он нервно оглядывает толпу, замечает Митю и восклицает: «Ба, кого я вижу! Это же мой выпускник Техникума космического приборостроения Сверчков! Какая удача! Вон Сверчков и заменит американского космонавта! Не будем откладывать запуск, быстро лезь в скафандр, я начинаю обратный отсчет...» Митя помотал головой, отгоняя дурацкое видение.

Отступить уже было некуда — нарушить свою клятву Митя не мог, иначе он перестал бы себя уважать окончательно. Значит, выкинуть. Он сжал флакон и размахнулся, прицеливаясь точно в форточку... постоял так с вытянутой рукой, но так и не кинул. Просто знал уже, что не может. И клятву нарушить не может. И выкинуть... Что же делать? Тут он заметил пустую баночку от шипучих таблеток аспирина. Торопливо пересыпал туда все пуговицы, вдогонку кинул флешку, а опустевший флакон от мыльных пузырей с легким сердцем выбросил в форточку. «Я обещал выкинуть флакон? — объяснил Митя самому себе. — Я его выкинул! Пацан сказал — пацан сделал!» Тубус от аспирина он запрятал глубоко в шкаф за хозяйкины банки с крупой, которые она почему-то запрещала ему брать. Но перед этим все-таки вынул себе одну пуговицу — просто на самый-самый крайний случай. «В дорогу» — сказал он мысленно. Митя взял два толстых куска хлеба, положил между ними ломтик несвежей колбасы, в глубину хлебного мякиша закинул пуговицу, и все это обернул фольгой как бутерброд и положил в карман куртки. «Так хоть досмотр в аэропорту можно пройти» — подумал он.

Оставалось последнее: Митя торопливо набросал Олеся записку, положил у кровати, сверху положил ключи, еще раз одними губами тихо чмокнул ее в щеку и торопливо вышел из квартиры, легонько прикрыв дверь.

На улице было холодно и безлюдно, сделав три шага, Митя вдруг поскользнулся и полетел на асфальт.

«Черт, только бы не сломать себе чего-нибудь перед космодромом!» — мелькнула в голове отчаянная мысль.

Но он не упал — его мягко подхватили с двух сторон, поставили на ноги и понесли вперед. Митя испуганно покрутил головой — его несли двое очень крепких людей, а третий распахивал дверь большого черного джипа.

— Что... — начал Митя но ему крепко закрыли рот ладонью в перчатке.

— В машину, — негромко скомандовал кто-то над ухом. — Босс хочет с тобой поговорить.

* * *

Всю дорогу Митя боялся, что его завезут в какой-нибудь глухой лес, там привяжут к дереву и убьют после пыток. Но его везли в центр города. Машина остановилась на подземной стоянке, Митю почти силком выволокли из кабины и затащили в лифт. Лифт был служебный, грузовой — запустили его, приложив электронную карту. Лифт ехал вверх долго, и когда заложил уши, Митя догадался: он снова в том самом небоскребе, где они с Олесей вчера ужинали. Из лифта Митю пронесли по ковровой дорожке, так что он едва успевал перебирать ногами, внесли в здоровенную резную дверь, и за ней оказалась шикарный кабинет, где в полумраке со стен глядели ружья и охотничьи трофеи: здесь были несколько оленьих голов, пара кабаньих. Дальнюю стену почти закрывала огромная медвежья шкура с головой и лапами — распростертая и раскатанная, как рыбка желтый полосатик. Под шкурой на диване сидел и курил кальян хрупкий пожилой человек, абсолютно лысый, с закрытыми глазами. Его лицо покрывала страшная сетка глубоких морщин, а может, шрамов — в полумраке Митя разглядеть не мог.

Сопровождающие без слов оставили Митю перед человеком, почти-тельно отошли и встали сзади.

В кабинете царил тишина, лишь изредка булькал кальян и сладко пахло яблочным дымом. Человек словно не замечал Митю, а Митя боялся пошевелиться, потому что чувствовал — те, кто привез его сюда, тоже стараются не шевелиться. Наконец человек с морщинистым лицом пожевал губами, выпуская клубы пара, отложил мундштук, откинулся на спинку

дивана и приоткрыл глаза. Он кинул брезгливый взгляд на Митю и заговорил. Голос у него оказался точно под стать лицу — густой, шероховатый и дребезжащий, словно в звуковых морщинах.

— Димочка, — просипел он устало, — Где моя машина?

Хрип лился в пространство, но Митя понимал, что обращается этот страшный человек именно к нему. Не вызывало вопросов, откуда он знает имя, и о какой машине речь.

— Если вы о старинной машине, то мне её... — начал Митя, но человек слабо приподнял ладонь, и в комнате слово зазвенела тишина.

— Я разве просил объяснений? — произнес человек и брезгливо пожевал губами. — Адрес, Димочка. Где ты оставил ее?

К счастью, ответ на этот вопрос у Мити был с собой. Он порылся в кармане и вытащил листок, где Олеся писала телефон тракториста Пашки. Из-за митиной спины неслышно шагнул один из охранников, взял бумажку, и Митя услышал, как он выходит из кабинета, скрипнув тяжелой дверью. В кабинете снова стало тихо.

— Я не знал, что машина ваша, — пробормотал Митя как нашкодивший ребенок.

— Что у него с головой? — вдруг насторожился человек, обращаясь к охранникам. — Вы его за волосы драли?

— Никак нет, у него такое и было! — послышался ответ. — Мы ж не звери, бить без приказа...

— У меня прическа такая, — растерянно сказал Митя.

Человек ничего не ответил и снова взялся за мундштук. Он долго пыхтел и выпускал клубы яблочного дыма, а Митя тоскливо прижимал локтем левый карман куртки, где лежал бутерброд. «Успею дернуться и откусить, если что-то страшное начнется... — думал он. — Да, я поклялся здоровьем мамы, но мои похороны ей уж точно не прибавят здоровья, так что если выбирать...»

— Ты любишь свою маму, Димочка? — вдруг спросил человек, словно услышав его мысли. — Ты оглох, что ли? Маму свою, на Садовой одиннадцать любишь, спрашиваю?

— Да, — сказал Митя.

— Это ты правильно делаешь, — ответил человек и снова затаился кальняном, делая большие паузы. — Вот и я... свою маму... люблю. Хотя она... сложный человек... как ты уже видел...

— Я правильно понял, что это ваша мама... — начал Митя, но человек предостерегающе поднял ладонь.

— Когда я говорю, Димочка, все молчат, — объяснил он. — Когда я задаю вопрос, отвечают. Если понял меня — кивни.

Митя торопливо кивнул. «Вот я и попал на космодром...» — подумал он.

— Моя мама человек слоооожный... — снова протянул босс. — И всегда была слоооожной... И к старости стала совсем слоооожной... Она тебе рассказывала, будто сын у нее бандит... будто я ее мучаю... квартиру забрать мечтаю... в дурдом ее прячу... будто мужа ее, отца родного, я в могилу свел, а он был великий художник...

— Скрипач, — поправил Митя и сам испугался, что открыл рот без разрешения.

— Скрипач? — удивился человек с морщинистым лицом. — Теперь она уже так рассказывает? Ну, пусть скрипач... — Он задумчиво пожевал губами. — Но я ее все равно люблю, свою маму. Никого не люблю, а ее люблю, понимаешь, Димочка?

Митя кивнул.

— Я в город ее перевез из поселка. Квартиру ей купил огромную. Врачей лучших нашел. На иностранных курортах по полгода проводит. Ни в чем забот не знает. А все у нее враги, все ей должны, и все мечты — родному сыну нагадить. Где ты ее вообще встретил?

— На бульваре подошла сама, познакомились...

Человек задумчиво молчал.

— Осторожней надо знакомиться, Димочка, — произнес он наконец. — Можно так познакомиться на всю оставшуюся жизнь, что не отмоешься от проблем... Что мне с тобой делать, наследничек ты мой жадный?

— Я не жадный, — обиделся Митя. — Мне ничего не нужно. Хотите, я напишу отказ от наследства?

Человек задумчиво кивнул:

— Это уж точно напишешь. Все уже готово. Готово у нас? — Он вдруг щелкнул пальцами.

Мите сунули распахнутую красную папку с нотариальной бумагой, в руку вложили авторучку.

— Позвольте! — сказал Митя, глянув на строчки. — Это не отказ от наследства! Здесь написано, что я после своей смерти завещаю все свое имущество какому-то Валерию Пораженскому!

Его грубо пихнули в бок, чтоб молчал.

— Ему не нравится... — проскрипел человек в пространство. — А как ты хотел, человек с бульвара? — Он принялся сверлить Митю

бесцветными глазами. — Ты хотел, чтобы я травмировал больную маму, таскал ее по нотариусам, заставлял нервничать, переписывать завещание, меня ненавидеть? Или ты хотел, чтобы ее диагноз «шизофрения» подтвердили официально, и все ее сделки стали недействительными?

— Ну, это было бы логичней... — сказал Митя.

— А мы с тобой живем в нелогичном мире, Димочка, — задумчиво произнес страшный человек, снова затягиваясь. — Ведь у меня на родную маму давно записан весь мой бизнес, все рестораны, заводы, даже аэропорт. Догадываешься почему?

— Потому что вы любите маму, — догадался Митя.

— Это ты хорошо сказал, — согласился человек. — Но еще потому что я депутат Заксобрания. И мне нельзя иметь свой бизнес. Всем можно, а мне нет. Это логично, Димочка? И если с ней что-то случится... ты хотел отжать у меня аэропорт?

Митя решительно помотал головой.

Человек с кальяном сделал усталый жест рукой — мол, подписывай.

Митя поднял авторучку и снова опустил взгляд в текст.

— Постойте, а если вдруг со мной что-то случится... — начал он, но договорить ему не дали.

Громила в костюме, стоявший справа, не выдержал — он больно толкнул Митю в бок и прохрипел ему прямо в ухо:

— Да подписывай уже, гондон!

Воцарилась тишина. Громила, похоже, сам испугался и теперь старался не дышать.

— Оу... — слабым и усталым голосом протянул человек на диване. — Рустамчик, что я слышу опять?

— Виноват, Валерий Палыч, вырвалось! — прохрипел громила испуганно.

— Кто тебе сейчас слово давал, Рустамчик? — Человек на диване разочарованно потерял в пальцах мундштук кальяна. — Я же тебе объяснял: когда говорю я, все молчат. Объяснял?

Рустам молча кивнул, да так и остался с наклоненной головой.

— Я же тебе объяснял, — неспешно продолжал человек на диване, — что за каждое бранное слово Богородица на три года отступается. Объяснял?

Рустам снова кивнул — его голова теперь совсем наклонилась, будто он разглядывал ковер под ногами.

— И теперь, в моем небоскребе... в моем кабинете... Богородица не появится три года? А ну, подойди ко мне... — ласково велел человек.

Сгорбившись как старик, громила вышел из-за митиной спины и пошел к дивану на негнущихся ногах.

— Встань на колени, Рустамчик, и скажи: прости меня Богородица.

— Простите меня, Богородица! — с чувством прохрипел Рустам, опускаясь на колени перед диваном.

Не меняя позы, маленький человек вдруг схватил кальян и со всей силы долбанул им Рустама по склоненной голове. Силищи он был неимоверной. Во все стороны брызнула вода и осколки стекла. Рустам мешком повалился на бок.

— Бог простит, — спокойно подытожил человек на диване, не меняясь в лице. А затем перевел взгляд на кого-то за спиной Мити: — Павлик, скажи Михал Иванычу, чтобы Рустамчика повоспитывал и перевел в наружку. Чтоб больше я его внутри здания не видел.

Митя, опомнившись, торопливо поднял авторучку и поставил подписи всюду, где была галочка. Все его данные, включая паспортные, уже оказались пропечатаны на листах.

Громила стоявший справа, вынул папку из его рук.

На миг воцарилась суета — вбежали какие-то люди и унесли поставившего Рустама, прибежала женщина в сером халате и проворно собрала осколки кальяна в пакет. Кто-то из громил тем временем шагнул к дивану, что-то вполголоса сообщил страшному человеку. Про Митю словно все забыли, но в какой-то момент он обнаружил, что в кабинете снова тишина, и страшный человек в упор его разглядывает.

— Что ж ты, Димочка, так далеко за городом машину оставил? — спросил человек печально. — А мы-то ее искали весь день в городе...

Митя молчал.

— Ну нашлась и нашлась, главное, чтоб целая, — великодушно прохрипел человек и продолжил: — Так вот, Димочка, заканчивая нашу беседу. Я уж не знаю, кому ты еще перешел дорогу, гуляя по своему бульвару, но знаю, что у тебя сейчас очень много проблем, кроме меня. А мне совсем не хочется, чтоб ты пропал без вести сразу после завещания. Это будет как-то подозрительно, верно? Поэтому за тобой пока присмотрят. Приглядите, Павлик?

— Так точно, — раздалось за спиной у Мити. — Куда его, в пионерлагерь на карьеры?

— Да... — слабо откликнулся человек на диване. — На карьерах ему сейчас самое место. И скажи Михал Ивановичу, пусть принесут мне новый кальян.

Он откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза.

А Митю взяли под руки и потащили из кабинета прочь.

Что такое пионерлагерь и карьеры Митя не знал, но ничего хорошего сегодня уже не ждал.

В лифте он решил: как бы невзначай засунул руку в карман и потянул сверток из фольги, но его схватили за локоть и так больно сжали какую-то точку на кости, что Митя вскрикнул от боли, а пальцы разжались сами собой.

— Это мой бутерброд! — произнес Митя с отчаянием.

— Не надо, — качнул головой плечистый шофер, которого называли Павликом.

— Я только маленький кусочек откушу! — взмолился Митя.

— Не надо ничего делать, что не просили, — повторил шофер веско.

Лифт открылся, Митю снова взяли под руки, затолкали в машину и снова куда-то повезли. Он по прежнему сидел в центре на заднем сидении, но теперь место рядом с ним пустовало — Рустамчика с ними не было. По крайней мере, теперь можно было смотреть в окно. Смотреть в окно Мите никто не мешал, и от этого почему-то становилось еще страшнее.

Неожиданно пропел мобильник — пришла СМС.

— Нет, — сообщил шофер Павлик из-за руля, не оборачиваясь.

Машина выехала из центра и теперь ехала в сторону окраин. Сопровождающие не разговаривали.

— Куда меня везут? — не выдержал Митя.

Ему никто не ответил. Он думал, что ответа не дождется, но шофер Павлик вдруг произнес с каким-то даже уважением:

— Заботится о тебе босс. Чтоб не пропал ты, идиот.

А сидевший слева произнес с назиданием — то ли угрожая, то ли наоборот ободряя:

— Не в багажнике едешь.

Митя понял, что разговоры бесполезны.

В тишине пришла еще одна СМС, а за ней третья.

Джип миновал северные спальные районы, и Митя вдруг понял, что где-то здесь у Объездной его ждал китаец с билетами в аэропорт.

А может... ждет до сих пор? Который час? Джип медленно затормозил и встал в очереди на железнодорожный переезд — здесь всегда была небольшая пробка.

— Выскочу сигарет возьму, — сообщил водителю охранник.

Тот кивнул, и стало слышно, как во всех дверях повернулись защелки.

Митя вдруг понял, что это последний шанс. Прежде, чем охранник слева открыл свою дверь, Митя рванулся, распахнул дверь со своей стороны и бросился прочь — перепрыгнул дорожный отбойник и понесся через заросли сухостоя, по грязи, по глине, к железной дороге.

— Стоять! — услышал он за спиной рык и топот, но продолжал нестись вперед, думая лишь, как бы не поскользнуться на мокрой глине и лужах.

Топот за спиной приближался, но вдруг затих — послышался звучный шлепок, всплеск и яростный мат. «Богородица на три года отступилась» — отрешенно подумал Митя. — «Только бы стрелять не начали».

Он глянул вдаль и понял, что бежать дальше некуда: перед ним была железнодорожная насыпь, а по ней катился товарняк. Сзади снова приближался топот — теперь, кажется, двух человек.

«Неудачный день...» — констатировал Митя.

Но вдруг сделал немыслимое: рванулся вперед из последних сил, в два прыжка оказался наверху насыпи и перепрыгнул ее за миг до теплового — тот успел лишь обдать Митю горячим ветром.

Теперь за спиной грохотали вагоны, путь впереди был свободен.

Митя нырнул в лабиринт гаражей, вынырнул в жилом квартале, пробежал насквозь незнакомые дворы и оказался на Северном шоссе у поворота на Объездную: именно тут, на остановке, они условились встретиться с китайцем, чтобы ехать в аэропорт.

На остановке было пустынно, стояла лишь одна машина, но подбежав поближе, Митя понял, что перед ней нервно рассказывает тот самый китаец. Он тоже увидел Митю, обрадовался и вскинул руки в приветствии. Из машины тут же вылезли поприветствовать Митю еще трое китайцев.

— Какое счастье, что вы меня дождались! — крикнул Митя, подбегая, по-русски.

— Давай-давай! — приветливо закричали китайцы, распахивая объятия.

Добежав, Митя буквально повалялся на них — ноги подкосились, дыхание перехватило, сердце бешено колотилось. Он открыл рот, чтобы вдохнуть побольше воздуха, но в этот момент кто-то накинуд сзади поло-

ску скотча и деловито обмотал Мите рот. Митя вдруг увидел перед собой лицо вчерашнего китайца, но оно не было ни приветливым, ни злым — напряженным, словно тот выполнял важную рутинную работу и не укладывался в график. Затем на голову Мите накинули мешок, руки смотали за спиной скотчем, ноги ниже коленей смотали тоже. Затем без паузы Митю подняли и запихнули в багажник, железная крышка над ним сыто щелкнула, и машина тронулась с места.

Митя тщетно пытался накачать носом воздуха в легкие, но чувствовал лишь запах бензина.

* * *

Казалось, машина ехала целую вечность. Наверно, так можно доехать и до Байконура, хоть он и на дальнем краю земли. Трясло в багажнике невероятно. Особенно досаждал домкрат или что-то похожее на домкрат — как эту штуку ни отпихивай, она все время норовила заползти под бок и на очередной рытвине оказаться прямо под ребрами. Наконец машина остановилась, послышались мелодичные голоса и яростный собачий лай. Митя вслушивался в речь и вдруг понял, что это корейский язык, а не китайский. Как он мог вообще поверить, будто это китайский космонавт? Вскоре багажник щелкнул, Митю подняли на ноги и сдернули с головы мешок.

Это был вовсе не Байконур. Хотя, наверно, так могли выглядеть его окраины, если бы они располагались в лесах, а не в степи. Место напоминало заброшенную промзону: вокруг тянулся железный забор с клубами колючей проволоки, на грунтовой площадке ржавели остовы старых автомобилей без колес и стекол, рядом торчали несколько бытовок, а между ними шатался на длиннющей цепи огромный пес — ростом с теленка, с кровавыми глазами и совершенно лютого вида. Увидев Митю, он бросился вперед, натянул цепь и встал на задние лапы, захлебываясь лаем — цепь дальше не пускала.

Митю подняли в воздух, отнесли к дальней бытовке и положили лицом на пол, а пес вокруг все не мог успокоиться: его рык и топот слышались то справа за дощатой стенкой, то слева, а однажды пасть просунулась в окно, забранное толстой решеткой, и бытовка наполнилась ревом, словно испытывали реактивный двигатель. «Чтоб тебя корейцы съели в голодный год» — мысленно пожелал ему Митя.

Корец — кажется, это был тот самый, что представлялся космонавтом и звал Митю на Байконур — сурово орал на пса «Пдя! Пдя!» и замахивался лопатой, но пес не слушался и его. Морда исчезла из оконной решетки только после того, как корец принялся тыкать в нее рукояткой лопаты и пару раз попал. Когда в комнате стало тише, он обратился к Мите.

— Где флешка? — спросил корец на довольно чистом русском, почти без акцента.

Митя перевернулся лицом вверх и замычал в ответ, потому что рот его оставался замотан скотчем. Но похитителя, похоже, это не смутило.

— Флешка. Флешка Григория, — повторял он методично. — Флешка. Карта памяти. Мемори стик. Где?

Митя снова замычал и помотал головой.

— Ты должен подумать обо всем очень хорошо, — предупредил корец. — Скоро за тобой придет Зан.

Он еще раз недоверчиво покосился на прическу Мити и вышел. А за ним вышли остальные. Снаружи лязгнул навесной замок, и Митя остался один.

Он извернулся, сел и огляделся. Бытовка была совершенно пуста — даже лопату корейцы унесли с собой. Зачем им лопата — об этом Митя решил просто не думать. Руки и ноги его были все так же связаны скотчем, причем пальцев на руках он уже не чувствовал. Митя с ностальгией вспомнил мягкие сидения джипа и вежливых охранников депутата, которые, похоже, и впрямь собирались его защищать от чего-то подобного.

Он тщетно катался по грязным доскам, пытаясь развязаться. Это не удалось, лишь из куртки вывалился смартфон. Митя на миг почувствовал себя спасенным — ведь можно было позвонить кому-нибудь, например, старому доброму следователю Чашечкину, попытаться что-нибудь промычать в трубку... Если вчера утром Чашечкин казался проблемой, то в аду, наступившем сегодня, он уже выглядел надеждой.

Митя перевернулся на спину, нащупал на полу смартфон онемевшими пальцами и перевернул его экраном вверх. Снова перекатился на живот, гусеницей дополз до экрана и после нескольких попыток ему удалось провести носом по полосе разблокировки.

Увы — сети здесь не было. Пришла в голову спасительная идея — набрать СМС следователю Чашечкину, и если Митю куда-то повезут, есть шанс, что в пути смартфон поймает сеть и отправит сообщение.

Выбрать абонента Чашечкина удалось довольно быстро, но дальше, сколько Митя ни бился носом в стекло экрана, набрать связный текст ему не удавалось — нос оказался совершенно не предназначен для набора текста, а словарь автоподстановок и вовсе будто издевался.

Отчаявшись, Митя заметил непрочитанные СМС. Их было ровно тринадцать, и все от Олеси. Водя носом по экрану, Митя открыл их по порядку и прочел, чувствуя, как холодеют уже не только руки:

«Проснулась... Башка болит, но вчера было невероятно круто! Спасибо за всё! Ты классный!!! Напиши, как долетишь!»

«Голова просто раскалывается... Можно я у тебя еще посплю?»

«Приходила какая-то бабка, открыла своими ключами, дико орала, велела мне (нам с тобой) до вечера собрать вещи и выметаться из квартиры. Ушла. Что делать, не знаю. Спать не могу, голова ад. Не могу найти свои контактные линзы, не помнишь, куда я их вчера положила? »

«Аааа!!! Тварь походу забрала ключи! Я заперта!!!»

«Мне заблокировали интернет в телефоне. Какой пароль у твоего вайфая?»

«Напиши пароль плиз!!!»

«Нашарила в шкафу аспирин, съела пару таблеток. Башка прошла! Жизнь налаживается! Береги там себя!»

«Я отгадала пароль!!! Ну ты и киноман Ж))))»

«Линзы нашлись! Ключи нашлись!!!»

«Прикинь!!! Адвокат пишет, что скончался мой родственник в Сомали, оставил наследство два миллиона долларов!!!!!! Еду оформлять бумаги!!!»

«Меня берут на актерское отделение во ВГИК!!!!!!»

«Меня пригласили на кинопробы в Голливуд!!!!!!!!!!!!!!»

«ТЫ НЕ ПОВЕРИШЬ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! НЕТ ВРЕМЕНИ РАС-
СКАЗЫВАТЬ!!!!!!!!!! Надеюсь, у тебя тоже все чики-поки.»

Митя стиснул от бессилия зубы и несколько раз с размахом ударился головой об пол. Он принялся яростно извиваться, мычать и биться всем телом, пока не понял, что с одного боку больнее, а с другого что-то мягкое. Извернувшись, он сумел вывернуть карман куртки, и из нее вывалился бутерброд, обмотанный фольгой. Теперь он напоминал бесформенную лепешку, но это был тот самый бутерброд!

Удача была рядом — ее можно было гонять по полу как шайбу, ложиться на нее спиной и даже нащупать пальцами скрученных за спиной рук, хотя они практически ничего уже не чувствовали. Нельзя было только этот бутерброд съесть, потому что рот оставался замотан несколькими слоями крепкого прозрачного скотча.

Удача была рядом, но совершенно бесполезна. От бессилия Митя рыдал — из глаз покатились самые настоящие слезы, а нос наполнился влагой так, что стало невозможно дышать.

Митя в бешенстве перекатился на спину, схватил бутерброд пальцами, перевернулся и встал на колени, подпрыгнул и с ревом подбросил его вверх — к самому потолку. А когда тот вернулся, яростно боднул головой — от отчаяния.

Это он сделал зря — бутерброд кувыркнулся в воздухе, обнажая трещины фольги, где виднелся бурый хлебный мякиш, плюхнулся прямо в решетку окна, замер на миг, качнулся — и вывалился наружу.

Митя окончательно смирился с тем, что сегодня не его день. Он лег на пол, закрыл глаза и перестал шевелиться.

И вдруг услышал нечто неожиданное: под окном раздался топот лап, тяжелое дыхание и позвякивание цепи, а затем возня и чавканье. «Всё пошло псу под хвост, — думал Митя отрешенно. — Этим и должно было кончиться. Так мне и надо...»

За окном тем временем что-то происходило. Митя не мог понять, что именно. Звякнуло, прокатилось кубарем по двору, и снова затихло. Следом появился запах — достаточно тошнотворный. Митя снова перевернулся, встал на колени, допрыгал до окошка, подтянулся подбородком и выглянул. За окном не было ничего — только забор с колючей проволокой. А где-то там, за забором, за территорией корейского поселка гудел грузовик и раздавались голоса.

— Коля, йоп! — орала за забором хрипло. — Сдай жопой, назад развернись! Это вообще не тот поселок! Я говорил, едь налево!

Ему столь же энергично отвечали, но голос собеседника было не разобрать.

— Коля, йоп! — надрывался бас. — Стой! Стойбль!!! Куда ты, сцука, в канаву!!!! Сдай назад! Назад сдай, я бревно подложу!!! Дави!!!!

На время голос утонул в реве мотора и визге буксующих шин, а вдогонку понесся лай пса.

— Пипец, сел на пуп... Коля, йоп! Уди! Уди на, я сказал, дай я газану!!! Держи бревно ногой!!!

Снова послышался рев мотора, и вдруг забор словно взорвался: во все стороны полетели металлические щиты, сбоку опять раздался истошный лай, и сквозь пролом в заборе въехал кузов самосвала, доверху груженный бычьими костями с лохмотьями мяса.

— Коля, йоп! — раздался истошный крик. — Ручник! Где у тебя ручник?! А, вот...

Самосвал снова взревел, окутавшись клубами дыма и рванул прямо на Митю. Тот отпрыгнул от окна, и вовремя — в окно ударило, вся стенка смялась пополам и рухнула внутрь, чудом не придавив его. А с потолка сорвалась доска с гвоздями и ударила по плечу. Прямо перед собой Митя увидел кузов с горой костей в почерневших лохмотьях гниющего мяса. В лицо ударил дикий запах, затем вагончик наполнился удушливыми клубами черного дыма и КАМАЗ все-таки отъехал обратно к забору — теперь вместо стены с окном зияло пустое пространство. Вдруг кузов начал опрокидываться, вываливая кости. За окном послышался торжествующий лай, а к нему добавился визг и многоголосые погавкивания: в дыру забора на пир толпой валили окрестные собаки — казалось, их тут десятки, может, даже сотни. И Митя был абсолютно уверен, что все они — сучки. И строго в его вкусе. Псу в этом корейском поселке сегодня везло по полной. А завтра? «Сегодня ты ешь пуговицы, а завтра едят тебя...» — подумал Митя. Впрочем, размышлять о собаках времени не было — теперь у Мити был обломок доски с гвоздем. Настоящим, почти даже не ржавым гвоздем! Которым распороть скотч на запястьях, а затем на ногах оказалось сущим пустяком.

Через минуту он был свободен — схватил мобильник, рванул из вагончика через пролом в заборе и понесся через лес, отчаянно петляя. И вовремя — за спиной слышался многоголосый лай, мат, крики на ко-

рейском, а сам вагончик, где он только что был заперт, под своим весом складывался и трещал досками.

Но Митя этого уже не слышал — он несся через чашу, изо всех сил сопя и пытаясь на ходу отодрать со рта скотч.

* * *

Олеся выглядела неважно: осунувшееся лицо, темные круги под заплаканными глазами. И пальцы ее слегка дрожали. Она не глядя брала из вазочки зубочистку, очищала от бумаги, ломала на мелкие кусочки, складывала перед собой и брала следующую. Гора обломков росла.

— Прекрати, пожалуйста! — не выдержал Митя. — Мы же все-таки в кафе, люди кругом!

— Что прекратить? — удивилась Олеся.

Митя кивнул на гору обломков перед ней.

— Мне бы твои проблемы, — огрызнулась Олеся, но ломать зубочистки перестала. — Как нам жить-то теперь?

— Не знаю, — честно ответил Митя. — Может быть, сдаться и рассказать?

— Кому?

— Следователю моему.

Олеся фыркнула.

— А флешку можно в интернет выложить, — предложил Митя. — Тогда вся эта драная корейская разведка скачает формулу синтеза, или что там, и наконец отстанет от меня.

Олеся снова потянулась за зубочисткой.

— Интересно, зачем они за этой гадостью охотятся? — поморщилась она. — Ведь понятно уже, что везения от нее не прибавляется.

— Может, им непонятно, — пожал плечами Митя. — А может... — Он вдруг замер и перешел на шепот: — А может, им как раз это и нужно! В качестве оружия! Представляешь, на Саммите ты в чай подбросил пуговицу президенту какой-нибудь этой твоей Сомали, где у тебя родственник умер с наследством... И кранты президенту Сомали! Рейтинги до небес, он небывалый герой, отец нации, икона стиля и гений экономики. А наутро — кризис, гражданская война, все его предали, и родные сыновья ведут отца сомалийского народа на эшафот... Чисто сработано! Слушай, брось эти зубочистки, бесит...

Олеся недовольно отложила недоломанную зубочистку, а горку мусора перед собой прикрыла салфеткой.

— Бесит... — передразнила она. — Меня вот бесит, что я в розыске Интерпола со вчерашнего дня. И что мастерскую отца сожгли. Вот это бесит.

— Я, знаешь ли, тоже в розыске! — напомнил Митя.

— Ты не по линии Интерпола! И даже не в федеральном! — парировала Олеся. — Ты всего лишь мелкий жулик. Стал заместителем директора прогорающей сети сотовых ларьков, подписал липовый контракт и вывел все активы в офшор. Жулик!

— Ничего себе мелкий! — обиделся Митя. — Восемь миллионов долларов как-никак!

— Дурилка картонная, — вздохнула Олеся. — О чем ты вообще думал, когда тебе предложили на один день стать замдиректора и побыстрому подписать какую-то бумажку?

— Думал, мне повезло. Он так красиво объяснял: мол, ты такой толковый честный продавец, я настаиваю, чтобы только ты ставил подпись на нашем контракте.

— Ага, и небось перемигивались при этом, — желчно добавила Олеся.

— Не знаю, не видел, перемигивались или нет... А ты сама-то хороша! Что дедушка в Сомали, что Министерство театра, что поездка в Голливуд!

— Да уж лучше мой Голливуд, чем твой Байконур!

— Министерство театра и балета! — с чувством повторил Митя. — Это ж надо было на такое купиться! А епархия? Это же вообще катастрофа! Возраст — двадцать два, пол — девочка, опыт работы — шоу двойников в кабаке! Какой из тебя, к черту, митрополит Кемеровский и Архангельский?! Женщин вообще не берут в митрополиты!

— Да откуда я знала? — огрызнулась Олеся. — Мало ли куда сейчас женщин берут. Вот Тараскина еще вполне молодая тетка, а мэр целого нашего города!

— Да какая молодая, ей за сорок уже! А хоть бы и молода: одно дело мэр, совсем другое — митрополит... Ты б хоть для начала в Википедии прочла...

— Хватит!!! — Олеся так раздраженно стукнула ладонью по столу, что чашка с остатками кофе подпрыгнула и опрокинулась ей на платье.

Олеся закрыла лицо руками и заплакала.

— Не могу! Не могу больше! — всхлипывала она.

— Прости! — Митя торопливо помог ей разложить салфетки по заливной юбке, а затем обнял ее за плечи и начал ласково гладить. — Видишь, оно потихонечку отходит, уже на мелкие гадости перешло...

— Да мы с большими не знаем, что делать! — глухо прорыдала Олеся.

— Так надо работать! Биться! Решать проблемы по одной! А не жрать горстями чертовы пуговицы! Вот я же с наследством бабкиным всё уладил? И твое министерство балета я привел в норму: им теперь не до тебя с этими грантами...

— Еще не факт! — возразила Олеся.

— Почти факт! — уверил Митя. — И с мобильной сетью что-нибудь придумаю!

— Что ты придумашь? — горько усмехнулась Олеся. — Тут юрист хороший нужен, а где нам его взять... — Она вдруг задумалась и принялась рыться в мобильнике: — Слушай, у меня где-то был один знакомый адвокат. Все ко мне клеился, а я его все отшивала. Надо найти его телефон и позвонить, вдруг по старой дружбе поможет?

— Оставь... — Митя поморщился. — Чем он поможет? Подпись моя, денег нет. Следствие закончено, и дело уже в суде. Я в розыске.

— Да почему дело-то в суде? — не выдержала Олеся. — Я помню, отец из-за мастерской судился, — там год тянулось следствие! А тут за три дня — и уже в суде?

Митя пожал плечами.

— Какая теперь разница? Может, они это дело год готовили, только дурачка искали. А может, это просто такое мое везение в кавычках. — Митя изобразил пальцами «кавычки». — Так что твой адвокат тоже ничем не поможет. Вернет восемь миллионов долларов в кассу из офшора? Или договор задним числом отменит? Или уговорит мэра Тараскину явиться в суд и забрать папку с моим делом?

— Тихо-тихо, вот оно! — перебила Олеся, настороженно подняв палец. А затем крепко задумалась, смешно подперев щеки кулачками: — Сколько, говоришь, Тараскиной лет? Всего сорок? Сорок — это гримом вполне можно добить... А роста она среднего, как я примерно?

— Ну, вроде, да... — Митя растерялся. — А зачем тебе?

— А чем я не Тараскина?! — вдруг заорала она резким базарным голосом, характерно глотая букву «р» — точь-в-точь как она. — Поставлю

копну на голове, как у нее, наложу грим как положено, приду в суд, всех построю и папку с твоим делом унесу на проверку!

— Да ты чего, там же камеры наблюдения повсюду! — испугался Митя.

— Так это же прекрасно! Там камеры. В камерах ходит Тараскина. И кому вопросы?

Митя задумался.

— Если поймают — это мошенничество адское!

— Не такое уж и адское, — уверила Олеся. — Уж поверь человеку, которого по всему миру разыскивает Интерпол за угон самолета... — Она замолчала и губа ее обиженно дрогнула. — Причем, меня ведь даже на борту не было, эта гадина ушла на посадку с моим паспортом...

— Ну ты тоже додумалась, три пуговицы за один день слопать... — миролюбиво напомнил Митя.

— А ты бы их еще в сахарницу засунул, чтоб все жрали! — огрызнулась Олеся.

— Но это же пуговицы! Даже не таблетки! В них дырочки! Как можно было перепутать?!

— А как можно было контейнер с моими контактными линзами на пол смахнуть под раковину? — закричала Олеся. — Я что тебе, Мисс Зоркость?

— Да хватит на меня кричать, я извинился уж сто раз! — огрызнулся Митя. — Я чуть себя об стенку не расшиб, когда твои сообщения мне на мобильник начали падать! Но три пуговицы — это было на второй день, когда я уже вернулся, и ты уже всё знала! Знала, а слопала!

— Ладно. Забыли и проехали, — миролюбиво подытожила Олеся.

— Сколько их там осталось, кстати? — шепотом спросил Митя.

— До фига осталось, — тоже шепотом ответила Олеся, похлопав ладонью по сумочке.

— И все-таки?

— Шестьдесят одна.

— Шестьдесят одна! — Митя присвистнул. — Они у тебя с собой?

— Даже не думай! — сурово ответила Олеся и крепче сжала сумочку. — Договорились же выбираться!

— Я просто спросил, — обиделся Митя.

— Времени мало, нам бы успеть на строительную ярмарку, — засобиралась Олеся.

— Зачем?

— Паклю купить надо. Будем строить государственную копну на башке, как у Тараскиной.

Оба засмеялись.

— И еще напомни мне вечером адвокату позвонить, вдруг он чем-то поможет, — сказала Олеся.

— А что ты ему расскажешь-то?

— Всё и расскажу. Это мой бывший, мы с ним в дружеских отношениях остались.

— Ох, вот еще одна сегодняшняя неприятность, — вздохнул Митя.

* * *

Гримироваться оказалось делом долгим и очень нудным. Целый час Олеся трудилась над образом Мити — сперва ставила прическу и что-то выстригала машинкой, затем обклеивала лицо какими-то полосками и тут же их срывала, потом наносила пудру, краски, что-то подрисовывала тонкой кистью... Время от времени что-то шло не так, и тогда она шипела и ругалась в пространство — денек-то был неудачный.

Когда наконец Митя взглянул на себя в зеркало, оттуда смотрел вовсе не Митя Сверчков и даже не Император Хотон, а унылый клерк среднего возраста, обрюзгший и начавший лысеть, но умело это скрывающий.

— Пострашнее ничего нельзя было нарисовать?

— Нравится? — Олеся сунула ему под нос планшет. С планшета на Митю глядела та же самая унылая физиономия.

— Ты меня еще и сфоткала в этом виде, — огорчился Митя.

— Дурак! — сказала Олеся, но было видно, что она польщена. — Это оригинал. Господин Веселовский, пресс-секретарь Тараскиной. Пока я буду делать Тараскину, посмотри пару видео с ним, поучись, как он говорит. Только не вздумай теперь ни чесаться, ни сморкаться — всю мою работу сотрешь!

Митя кивнул и принялся гуглить видео с городских пресс-конференций. Тараскину из себя Олеся делала еще дольше, но в итоге получилась самая настоящая.

Митя к тому времени посмотрел все видео, что удалось найти, и понял, что голос господина Веселовского подделать довольно легко: надо слегка вытянуть губы вперед, изобразить растерянное лицо и произносить слова, не открывая рта. Получалось такое бубнение в щеки. Олеся

сказала, что очень похоже, только посоветовала делать побольше паузы между словами.

В автобусе на них оборачивался народ, люди наперебой бросались уступать место, а какая-то пожилая дама принялась грузить Олеся своей квартирной проблемой. Митя вежливо отгеснил даму, пробубнив «напишите заявление в приемную, я лично возьму это на контроль». И добавил: «под мою ответственность», но Олеся незаметно наступила ему на ногу, чтоб не выходил из образа. Правда, он этого почти не почувствовал, потому что черные остроносые ботинки были на два размера больше — Олеся позаимствовала их у отца.

В суде их встретили так удачно, что Митя даже засомневался: не приняла ли Олеся новую пуговицу на всякий случай. Охрана без вопросов отдала честь и принялась тайком куда-то звонить, а Олеся протопала внутрь с решительным лицом, не удостоив их взглядом. В коридор высыпали напуганные тетки. Олеся не дала им опомниться и перешла в наступление. Она открыла рот и стала орать. Она кричала так, что у Мити закладывало уши. Она кричала что-то про сроки, про кадры, грозилась наконец навести порядок «в вашей богадельне». Каждая отдельная фраза была понятна, но суть оставалась неясна. Кроме того очевидного факта, что сюда явилась именно мэр, и мэр не в настроении.

Затем Олеся умолкла и стала ждать ответа. Одна из дам принялась с достоинством отвечать, но Олеся ее перебила и спросила, в курсе ли дама последних событий? Дама явно была не в курсе. Митя тоже. Да и Олеся не стала ничего объяснять — велела провести ее в комнату особо важных дел.

Здесь она снова устроила скандал, тыкая пальцем в пол. Пол был покрыт довольно чистым паркетом, но Олеся считала, что он может в любую минуту провалиться, и угрожала выяснить, куда ушли деньги капремонта. По мнению Мити, она переигрывала — паркет был вполне сносный, а местные судьи могли и не иметь никакого отношения к ремонту своего здания. Оборвав свой крик на полуслове, Олеся развернулась, чтобы выйти прочь, но в четко рассчитанный момент обернулась и рявкнула: «Где вообще дело этого Сверчкова?» — словно именно Сверчков и был причиной неудачного ремонта.

Чиновницы засуетились, но не могли сообразить, кто такой Сверчков, пока Олеся не объяснила, что это дело о краже фонда салонов мо-

бильной связи. Дело тут же нашлось. Олеся распахнула папку, сделала вид, что углубилась в чтение, пролистала пару страниц в зловещей тишине, а затем строго оглядела всех поверх очков и прошипела, зловеще чеканя каждое слово:

— Я служила городу. Служу. И буду. Служить. И ради вашего воя... — Она сурово потрясла в воздухе папкой. — Я. Лишаться должности. Не. Собираюсь. Понятно? — она снова яростно оглядела потупившихся чиновниц: — Если кто-то хочет лишиться должности из-за Сверчкова, пусть так и скажет!

В комнате настала гробовая тишина, тетки недоуменно смотрели в пол, а Митя испытывал сложные эмоции. Чиновницы напряженно пытались сообразить, что же так взбесило гостью, и что имелось в виду. Митя видел, как одна, самая молоденькая, даже украдкой набирала СМС. День выглядел удачным. И это была не просто удача, а шанс, что рано или поздно, трудом или уловками, но удастся исправить и все остальное...

И в этот момент распахнулась дверь и раздался голос.

— Я! — сказал голос. — Я лишился должности из-за Сверчкова! И я доведу это дело до конца! Мне есть что рассказать многоуважаемой Евгении Павловне и про Сверчкова, и про пуговицы, и про угрозу...

— Следователь Чашечкин?! — изумленно произнес Митя совершенно против своей воли.

— Тимур?! — ахнула Олеся тоже против воли, своим обычным голосом. — Так ты следователь, а не адвокат? А ты подонок...

Чашечкин еще ничего не понял — он стоял с недоуменным лицом и глядел на мэра города, уже понимая, что услышал что-то важное, но не в состоянии свести в уме факты. Он еще раз перевел взгляд с Тараскиной на пресс-секретаря и обратно, и тут до него дошло, кто перед ним.

— Охрана!!! — завопил Чашечкин. — Это мошенники!!!

Митя понял, что все пропало. И больше всего сейчас он боялся за Олеся. Поэтому он проворно расстегнул ее сумку, выхватил флакон с пуговицами, высыпал на ладонь целую горсть и кинул в рот сразу три. И с облегчением закрыл флакон.

Увидев это, Чашечкин искажился в лице. Словно кошка, он сделал огромный прыжок вперед — то ли пытался остановить Митю, то ли схватить флакон. Он летел как в замедленной съемке, но когда его ноги с грохотом коснулись пола, произошло непредвиденное: пол под ним хрустнул и проломился, будто ломоть хлеба. Словно под паркетом треснули какие-то

невидимые балки. Чашечкин с воплем рухнул в образовавшуюся яму, пол комнаты наклонился, и вдогонку к яме поехал громоздкий письменный стол. Тетки завизжали как испуганные школьницы. Митя почувствовал, что пол уходит из-под ног. Олеся, взвизгнув, заскользила каблуками. Митя схватил ее за руку, а флакон с пуговицами, кувыряясь, полетел в провал вслед за Чашечкиным. Впрочем, у Мити оставалась целая горсть, зажатая в кулаке.

Первой пришла в себя Олеся — все-таки она была прирожденной актрисой.

— Он назвал охрану мошенниками!!! Кто его сюда пустил?! — заорала она, тыча пальцем в яму. И не давая никому опомниться, заголосила: — Да у вас здание падает! Я ни минуты тут не останусь!

И ринулась к выходу, крепко сжав папку с делом Сверчкова. Митя бросился за ней. За спиной визжали тетки, кажется, кто-то верещал про землетрясение. Мите очень хотелось вернуться, нырнуть в яму и отобрать у Чашечкина флакон. Он почему-то был уверен, что Чашечкин теперь точно им воспользуется. А может быть, уже воспользовался...

* * *

Снова над головой ударила автоматная очередь. Митю осыпало бетонной крошкой. Снизу поднимался жар — там на могучих цепях висел исполинский котел с расплавленной сталью, напоминавший гигантский чайник с коротким носиком. Местные рабочие давно попрятались в убежище.

— Сдавайся и выходи! — снова проорал Чашечкин. — У тебя нет выхода!

— Хрен тебе! — рявкнул Митя.

Очередь ударила снова, но последний патрон как-то не удался. Он сверкнул в воздухе и взвизгнул. «Трассирующий», — догадался Митя.

— Чашечкин! — позвал он, и голос глухо раскатился по цеху: — Что-то тебе уже не так везет, да? Патрончики-то кончились?

— У меня еще целый рожок! — ответил Чашечкин и в доказательство громко постучал железом по железу. Звук раскатился по металлическим мостикам, и Митя, казалось, ощутил его подошвами.

— Нет у тебя рожка. Рожок щелкает, а не стучит. По башке себе постучи стволом!

— Есть рожок! — откликнулся Чашечкин обиженно.

— У тебя рожок, а у меня пирожок! — подразнил Митя.

Чашечкин не отвечал.

Митя полез рукой за пазуху и нащупал сверток. У него оставалась ровно одна пуговица. Но у Чашечкина, похоже, не было и этого. Митя вдруг с облегчением понял, как он рад, что пуговицы наконец закончились. Он так устал от фантастического калейдоскопа, который тянулся последние две недели... Тюремная камера и Чашечкин в чине новоиспеченного генерала МВД. Затем снова эти проклятые корейцы, которые похитили Митю из одиночки, выпилив решетку лазером, затем полет на вертолете, крушение в горах и эта дурацкая лошадь, которая сама вывозила Митю по тропам. И снова что-то такое же абсурдное и бессмысленное, и вот Митя в Омске депутат, и у него депутатская неприкосновенность, а потом он почему-то диктор ТВ, и читает новости, потом Рим, и прием у Папы Римского, куда врывается этот проклятый маршал Чашечкин, в честь которого идет парад по всему Риму. И снова гонка на автомобилях, по улицам какого-то несурзального курортного городка, кажется, Монте-Карло, и вот уже Митя получает звание Сэра от королевы Великобритании. Или это было до Папы Римского? А наутро он уже убегает от извержения вулкана и спасается от носорога, который тоже убегает от извержения. А потом эта британская подводная лодка, и прыжок с башни, и эта безумная гонка на вертолете, который для Мити оказался довольно прост в управлении. И оставалось лишь неясным, где Чашечкин научился так хорошо управлять вертолетом, что от него не удастся оторваться никакими силами. Потом был Тибет. И снова плен, и самолет, и парашют, и вот теперь эта дебильная перестрелка на заводе, как символ полностью истощившейся вселенской фантазии.

Митя вдруг вспомнил, как в ту ночь перед походом в суд, еще в родном городе, который казался теперь таким бесконечно далеким, он листал интернет, пытаясь найти информацию, каким может быть в жизни везение. Но нашел лишь чью-то рецензию на неведомое кино, где утверждалось, что волшебным везением люди считают лишь три вещи: первое — успех, куда входит карьера, признание и богатство, второе — любовь, и третье — месть врагам. Но успех оборачивался пылью раньше, чем Митя успевал его осознать. Любовь осталась в далеком родном городе, и что с ней, Митя не знал. А месть его не интересовала никогда. Ну какой смысл мстить Чашечкину? Оказалось, у везения есть и четвертая сторона: выживание. Оно уже давно не приносило радости. Иногда Митя ловил себя на

мысли, не лучше ли было, к примеру, взорваться вместе с тем вертолетом, чтобы не пришлось бежать по Маньчжурским сопкам без еды, воды и неизвестно куда...

— Оглох, что ли? — донесся голос Чашечкина. — Я спрашиваю, у тебя есть еще пуговица?

— Есть... — негромко ответил Митя.

— Поделись! — потребовал Чашечкин.

— Флешку отдай, — заорал Митя.

— А что там, на флешке-то, ты хоть знаешь?

— Синтез и описание, — крикнул Митя. — Наверно. Я не смотрел.

— Я тоже.

Митя вздохнул, прислонился к бугристому бетону и заорал:

— Ты мне флешку, я тебе пуговицу. Идет?

— Десять пуговиц!

— У меня всего одна.

— Врешь!

— А какой мне смысл врать, Чашечкин? Ты ее сейчас съешь, и тогда все остальные сам у меня найдешь, если повезет.

Чашечкин молчал.

— Ладно, давай одну, — согласился он.

— Сначала флешку!

— Зачем она тебе?

— Для сохранности. Кидай!

— Сперва пуговицу! — потребовал Чашечкин. — Я тебя знаю, ты как получишь флешку, так сам и сожрешь пуговицу!

— Дурак ты, — откликнулся Митя. — Если б я хотел, я бы сожрал пуговицу, а потом мне бы повезло отобрать у тебя флешку.

— А чего не сожрешь пуговицу?

— Тошнит, — ответил Митя, подумав.

Настала тишина, лишь далеко внизу гудели моторы и потрескивал котел с металлом.

Что-то просвистело над головой, ударилось в стену, и на ребристые листы перекрытия упала флешка. Та самая, только замызганная. Митя взял ее в руку, глянул в последний раз, а затем высунулся и прицельно швырнул ее вниз — в котел с металлом.

«Не промахнуться бы на остатках везения», — только и успел он подумать. Но не промахнулся — флешка упала в котел и тут же исчезла без остатка.

— Идиот!!! — заорал Чашечкин. — Ты что сделал?!

— Что надо, то и сделал, — тихо ответил Митя и заорал: — Иди сюда, получи свою пуговицу, или я ее туда же кину! Я считаю: раз... два...

Чашечкин выглянул из-за бруса с автоматом наперевес. Калашников. И где он его только взял, этот автомат? Чашечкин пробежал по мостику и торопливо присел рядом с Митей, словно в них уже кто-то целился. Впрочем, рано или поздно так и будет.

— Давай! — он протянул ладонь.

Митя выдал ему бумажный сверточек, Чашечкин развернул и торопливо проглотил последнюю пуговицу, еще не веря своему счастью.

— Та-а-ак! — произнес он, расправляя плечи.

Он встал в полный рост над Митей и зачем-то лягнул пустым автоматом:

— Ого! — удивился Чашечкин, приглядевшись. — Да тут еще последний патрон есть! Повезло мне!

— Повезло тебе, — устало согласился Митя.

— Теперь, — скомандовал Чашечкин, — вынимай остальные пуговицы!

— Нет остальных, — объяснил Митя.

— Я не верю.

— А какой мне смысл врать... — пожал плечами Митя.

— А какой тебе смысл был отдавать мне последнюю? Ты же теперь целиком в моей власти!

Митя пристально глянул на Чашечкина.

— Это ненадолго, Тимур. Часа на два, при твоей разросшейся толерантности. А потом у тебя начнутся проблемы...

— У тебя начинаются уже сейчас!

— Верно, — согласился Митя. — Зато из нас двоих ты будешь страдать от проблем последним. А кто тебя тогда будет спасать? Тот, у кого лоса неприятностей уже заканчивается. Так что закрой свое хлебало, бери автомат и конвоируй меня отсюда.

— Куда? — растерялся Чашечкин.

— Ты везучий, ты и решай, куда! Но только хочу тебе напомнить, дорогой мой бывший следователь, — Митя встал в полный рост и повысил голос, — что из-за твоего дебилизма и убогой фантазии мы сейчас в Северной Корее на металлургическом заводе. Который хоть и немного пострадал от взрыва твоей идиотской ракеты, но окружен армией и спецподразделениями. И как ты из этого дерьма собираешься выпутываться — к

счастью, уже не мои проблемы, а твои! — Митя ткнул Чашечкина пальцем в грудь. — Для того я и отдал последнюю пуговицу тебе, чтобы ты это дерьмо расхлебывал, а не я!

— Вот ты сука... — приуныл Чашечкин. — Впрочем... — Он задумался. — Кажется, до границы с Южной Кореей здесь всего километров двадцать...

— Давай, давай. Вези нас, везунчик, — подбодрил Митя. — Подземный ход там какой-нибудь найди, монаха-отшельника, вертолет спецслужб. Думай, не сиди, время идет!

* * *

Теперь, задним числом, Митя понимал, что в этом есть своя справедливость: все неприятности после пуговиц, какими бы чудовищными ни казались, надолго не задерживались. Они рассеивались почти так же быстро, как и та иллюзорная удача, которую они приносили. Почти, хотя не совсем. Неприятности исчезали медленней и мучительней, чем везения. Словно забирая часть энергии на трение, грение или еще какие-нибудь неведомые законы физики происшествий. Так что общий баланс выходил отнюдь не в плюс, и даже не в ноль. Однако, если гибель несчастного Гриши считать исключением, то беды не убивали до конца. А что не убивает, то делает сильней.

Восстановление было долгим и тяжелым. Но уже через месяц Митя и Тимур вернулись из южнокорейского изолятора в родной город, еще через месяц с них сняли судимости и полностью оправдали. О пуговицах постепенно забыли все, даже корейцы. По крайней мере, больше Митя о них ничего не слышал, и похищать его никто не пытался — возможно, эту шайку задержали отечественные спецслужбы, или они сами вернулись в родную страну. Митя так и не выяснил, откуда северокорейская разведка проведала о свойствах пуговиц и почему именно корейцы бежали сперва за Гришей, а потом за Митей. А у Гриши было уже не спросить.

К концу третьего месяца Тимура снова взяли на должность участкового, и он был счастлив. Удивительно, но они остались друзьями.

Зато у Мити осталась Олеся, и это было чудом. Они вместе проанализировали случившееся по минутам, расписали все эпизоды по самодельным таблицам и выяснили, что удача была слегка управляемой: в те моменты, когда к пуговице прилагались силы, идеи и настойчивость, удача

достигала максимума. Да и полосу невезения тоже удавалось нейтрализовать при помощи настойчивости и энергии — например, папка, успешно украденная Тараскиной в разгар неудач, в суд так и не вернулась. Поэтому было решено выстроить отныне жизнь так, чтобы прилагать максимум сил и добиваться целей. Но без пуговиц сначала было трудно: казалось, мир сговорился и мстит неудачами. Но они решили не сдаваться, и вместе им было легче.

Олеся повторила эксперимент с гримом: притворилась актрисой Панчуковой, съездила в Москву на Мосфильм, дошла до дирекции и устроила сцену: кричала, что ей не дают ролей, всё кончено, и она уезжает в Голливуд. Ролей у этой Панчуковой было предостаточно, поэтому дирекция пребывала в шоке, пока Олеся не отклеила грим, объяснив, что это был актерский этюд. За такую шутку могли выгнать прочь, а могли оценить и дать роли. Собственно, так оно и вышло — сперва выгнали. Но через неделю разыскали и пригласили на пробы. Разыскать Олесю было нетрудно, потому что ролик, который снял Митя во время всей этой сцены, собрал двести тысяч просмотров в интернете.

В Москву они переехали вместе. Но если Олесю сразу завалили ролями, то Мите пришлось хуже: никакой работы, кроме разносчика пиццы, он найти не смог. Митя не роптал: при том количестве пуговиц, которые ему довелось сожрать когда-то, отныне даже работа разносчика пиццы была редкой удачей в череде его бесконечных разочарований.

Митя не сдавался — все свободное время от тратил на усилия и попытки. Он завалил своими тощими резюме все агенства, он ходил на собеседования, но никакой работы по профессии найти не удавалось: то ли в столице вообще нигде не паяли электронику, а только возили из Китая, то ли продолжалось кармическое проклятие. Даже электриком в ЖЭК Митю не взяли, потому что по диплому он был не электрике — предложили поработать помощником электрика, но зарплату предложили совсем смешную, меньше, чем получал разносчик пиццы, готовый много бегать.

Тогда Митя обложился учебниками и каждую свободную минуту тратил на изучение разных дисциплин — от веб-программирования до бухгалтерского учета, еще не зная, что может пригодиться. Самым полезным в итоге оказался тренинг Джава-скрипта на сайте <http://javascript.ninja> — ему посоветовал этот курс один неглупый человек на форуме программистов, где Митя задавал глупые вопросы, не умея программировать и не понимая, с чего вообще начинать. Сначала Мите идея онлайн-тренинга не понравилась: курсы оказались платными. Но он посоветовался с Олесей, и они

прикинули, что попытки учиться бесплатно обходятся дороже — время стоит денег. В итоге он все-таки отправился на <http://javascript.ninja>, и курсы помогли: с помощью толковых тренеров Митя с полного нуля поднялся до вполне приличного уровня. И с этого момента всё пошло легче. Веб-разработчиком Митю по-прежнему в серьезные фирмы не брали, потому что не было опыта работы и успешных проектов в портфолио. Тогда Митя решил их сделать самостоятельно, программировать он уже умел. Первым делом Митя написал чисто для себя веб-приложение, которое оптимизировало его заказы: строило оптимальные маршруты по карте. Эффективность оказалась налицо — Митя стал выполнять на треть больше заказов, и его ставили в пример. Маршрутные карты работали, и надо было что-то делать дальше. Митя занялся своим любимым вертолетиком — приделал к прошивке уже привычный язык скриптов и принялся программировать. Вертолетик его к тому времени уже неплохо летал, а теперь Митя его научил самостоятельно выбирать траектории по карте, огибать здания, строить маршруты и строго их держать, возвращаясь время от времени на балкон для подзарядки. Некоторое время Митю просто развлекало, что он развозит по району пиццу, а над ним в вышине тем же маршрутом следует вертолетик — как ручная птица. Но когда напарник уехал в отпуск, Митю завалили заказами и он перестал справляться, от отчаяния ему вдруг пришло в голову поручить вертолетнику отвезти пиццу самостоятельно. Он привязал коробку на веревке, позвонил клиенту и объяснил, что пицца прилетит к нему на балкон, и ее надо лишь отвязать. Митя говорил таким тоном, словно это привычное дело, и клиент, убаюканный будничным тоном, задавать вопросов не стал. Так первая пицца улетела в самый неудобный конец района, там была без проблем получена, это сэкономило Мите пятьдесят минут, а клиент остался доволен. Каждый, кому пицца прилетала прямо на балкон или к окну, приходил в неизменный восторг и начинал заказывать пиццу снова и снова — просто чтобы увидеть и показать друзьям, как прилетает вертолетик. Митя начал практиковать новую технологию и вскоре обзавелся еще двумя вертолетами, но и сам продолжал бегать по району. Кончилось тем, что один постоянный заказчик, которому пицца прилетала каждый день по воздуху, вдруг получил ее из руки Мити по старинке. Он оказался настолько раздосадован, что позвонил в пиццерию и пожаловался менеджеру. Тот был не в курсе и сперва никак не мог сообразить, о каких вертолетах речь. А сообразив, пришел в такой гнев, что обозвал Митю ленивым халтурщиком, оштрафовал на сумму месячного оклада и строго запретил доставлять пиццу вертолетами.

Но и эту новую беду удалось превратить в удачу: Митя уволился и сделал свой стартап — открыл собственную пиццерию с вертолетной доставкой. Деньги на проект он выпросил в родном городе у того самого депутата Пораженского, достаточно мерзкого типа в личном общении. Но Митя рассудил, что раз всё его имущество завещано Пораженскому, то у кого же еще просить денег на стартап? И не прогадал. Оказалось, господин Пораженский обладает не только бандитским характером, но и деловой хваткой, и собственным кодексом чести. Завещание он аннулировал, в идею стартапа вник быстро, деньги выделил тут же, а себе забрал сорок девять процентов бизнеса — благородно оставив контрольный пакет Мите. При этом не лез в дела фирмы и не пытался отжать бизнес — понимал, что без Мити всё развалится.

Кроме Москвы и родного города, Митя открыл филиалы летучей пиццерии еще в двадцати городах. Еще через пару лет построил собственный завод по выпуску вертолетиков и занялся доставкой грузов, а не только пиццы. Он продолжал совершенствовать вертолетики — в его КБ работало к тому времени три десятка разработчиков, которые обвесили их датчиками качения, скольжения, наклона, ветра, магнитных полей, добавили ультразвуковые сенсоры и распознавание изображения с купольной камеры, и в итоге погрешность маршрута удавалось держать в пределах пятнадцати сантиметров в любую погоду. Отныне получателям посылок не приходилось дергать длинную свисающую веревку, чтобы вытянуть и поймать заветный контейнер, опасаясь угодить под крутящиеся лопасти. А дроны перестали задевать стены домов и разбиваться — увы, раньше случалось и такое. Дальше точность траектории упиралась только в ГЛОНАСС. Но Митя продолжал рыть носом землю, перелопатил кучу иностранных статей, и в какой-то момент возникла идея, как можно повысить точность в десятки раз. Правда, для этого пришлось бы чуть изменить формат спутникового сигнала. С этой догадкой он отправился в КБ Лавочкина, где его сразу отфутболили. Но Митя был вежлив, назойлив и убедителен. И идею пробил. Конечно, он не надеялся при этом, что подряд на разработку спутниковых модулей нового поколения поручат именно его заводу. И уж конечно ему и в голову не могло прийти, что для финальной отладки Роскосмосу потребуется отправить на МКС специалиста-разработчика. Но в итоге вышло именно так. И хотя космическое путешествие Мити продолжалось всего восемь дней, он чувствовал, что ему в жизни везет больше всех. И без всяких пуговиц. Ведь вовсе не они нужны для удачи.

Впрочем, Олеся считала, что без той истории они бы не смогли познакомиться и создать семью. Но Митя думал, что все-таки познакомились бы рано или поздно — городок-то маленький. Сам он считал, что единственным полезным делом, которое он сделал под воздействием пуговиц, была та нелепая сдача крови в больнице. По крайней мере, главный врач отделения потом рассказал, что у Гриши не было шансов выйти из комы, если бы в первые сутки в больнице не появилась кровь для переливания. Но об этом Олеся, Митя и Чашечкин узнали только через пару лет — Гриша так боялся принести кому-то новые несчастья своим появлением, что долгие годы скрывался в Индии, и скрывается там до сих пор.

Единственное, чего Митя и Олеся не смогли побороть — это неприязнь к пуговицам. Все рубашки Митя шьет на заказ только с молнией, а у Олеси в контракте четко прописано: она не надевает костюмы, где есть пуговицы. Даже в Голливуде.

Леонид Каганов. Таблетки

Повесть в интернете: <http://leo.me/archive/2016/tabletki.htm>

Художественное оформление и верстка: Каганова Маргарита

Иллюстрация обложки: Крылова Соня

Гарнитура: Garamond Premier Pro

Отпечатано в типографии «Вишнёвый пирог» <http://cherry pie.ru>

Москва, 2016